

НАШИ ТАМ

ПЕРЕЗАГРУЗКА

ГЕННАДИЙ МАРЧЕНКО

МИР УЖЕ
НЕ БУДЕТ
ПРЕЖНИМ

Annotation

Политическая и экономическая ситуация в СССР меняется на глазах. В мире также происходят события, которых не было в изначальной реальности. И катализатором всех этих перемен послужило вмешательство Сергея Губернского — нашего современника, переместившегося на сорок лет назад в прошлое. Удастся ли сохранить Советский Союз, направив историю в новое русло, и какое место займёт великая держава на геополитической карте мира? Ответы на эти вопросы — в заключительной части походов Губернского в СССР в 1970-х годах.

Геннадий Марченко

Мир уже не будет прежним

© Марченко Г. Б., 2017

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

Этот день не задался с самого утра. Началось с того, что дома неожиданно закончилась туалетная бумага. В это время на каждом углу она не продавалась, как в будущем, народ по привычке подтирался газетами. Даже в Москве её не везде можно было купить. Так что жена в это снежное утро начала декабря снарядила меня за покупками на рынок со списком на тетрадном листочке, вписав обязательным пунктом покупку туалетной бумаги.

Собравшись садиться в «Волгу», я обнаружил, что спустило правое переднее колесо. Вот же не было печали... Подкачал, но с помощью манометра определил, что камера всё же спускает. Пусть тогда на станции техобслуживания ищут дырку. Пришлось менять колесо, корячась с домкратом. Хорошо хоть, перчатки нашёл в багажнике, иначе точно отморозил бы пальцы. Наконец выехал в сторону рынка, но не проехал и пары кварталов, как меня остановил сотрудник ГАИ, попросивший предъявить документы. Пожав плечами, протянул водительское удостоверение. Но старшина почему-то потребовал ещё и документы на машину, затем паспорт, после чего заявил:

— Документы вроде в порядке, но вот, посмотрите, фоторобот преступника, сбежавшего сегодня из СИЗО, из-за которого был объявлен план «Перехват». Схожесть налицо.

Мне протянули листок с отвратительным по качеству изображением какого-то мужика, который мог быть похож на кого угодно.

— Что-то я особо не вижу сходства этого типа со мной, — сказал я, возвращая старшине фоторобот.

— Давайте всё же, Сергей Андреевич, проедем в отделение для выяснения вашей личности, там уж точно разберутся.

— Это я там до вечера, что ли, теперь буду сидеть? У меня дела всё-таки! А у вас в машине есть рация, свяжитесь с кем надо, пусть дадут информацию, кто такой Губернский.

— По рации, Сергей Андреевич, такие дела не решаются.

— И как долго вы собираетесь разбираться?

— Вы не волнуйтесь, постараемся не затягивать. Проходите в нашу машину, а я вашу поведу. Не бросать же её здесь.

Ну, блин, ментовский беспредел! Хоть бы взятку, что ли, попросил, сунул бы ему четвертак, не обеднел бы.

В гаишной машине помимо водителя находился ещё один сотрудник, с погонами лейтенанта. Он предложил мне сесть спереди, а сам остался сзади, что меня несколько удивило, и дал команду трогаться. Глянув в зеркало заднего вида, я увидел, как сзади плавно катит моя «Волга». Надеюсь, этот старшина ездит аккуратно, не хотелось бы лишний раз гонять мою «ласточку» на СТО. Насторожило, что, проехав несколько кварталов, мы свернули в сторону выезда из Москвы.

— Это где же ваше отделение находится, в лесу, что ли? — спросил я, а спустя мгновение почувствовал укол в шею.

У меня ещё хватило сил схватиться за больное место и обернуться к хмурому лейтенанту, а затем в глазах всё поплыло, и я потерял сознание.

Очнулся я от того, что кто-то щедро награждал меня оплеухами, шлёпая ладонями по щекам. Кое-как открыв глаза, увидел перед собой давешнего лейтенанта, но уже в гражданской одежде. Тот, заметив, что я очнулся, удовлетворённо кивнул и вышел из

помещения, закрыв за собой дверь. Я обнаружил себя сидящим на стуле в каком-то явно подвале со сцепленными сзади руками. Сидеть было неудобно, я поёрзал, но комфорта не сильно прибавилось.

Между тем сознание медленно возвращалось. А вместе с ним и понимание ситуации. Что это, похищение? Если так, то кто его заказал? Что гайшники ряженные, это я теперь уже понимал. Да уж, разыграно всё было как по нотам, спланировали операцию чётко. Простые уголовники на такое не способны, да и зачем бы я им был нужен? Единственное, что приходило на ум, — «контора». Значит, возьмём это за основную версию, всё равно пока особой альтернативы не видно.

В таком случае кто-то из членов «ближнего круга» прокололся, сболтнул информацию. Впрочем, не исключено, что где-то сработала «прослушка». Всё-таки люди такого уровня да чтобы без контроля со стороны комитетчиков?..

А с другой стороны, вполне вероятно, что я им и не нужен. Допросят для приличия, а после возьмут и пустят в расход. Без шума и пыли, как говорится. А затем возьмутся за Машерова, Ивашутина, Щербицкого и прочих заговорщиков. Наверняка им будет несложно организовать или аварию, или смерть от острой сердечной недостаточности. Тем более что такие прецеденты были, с теми же Машеровым и Кулаковым.

М-да, ситуёвина... Либо в шоколаде окажешься, либо в дерьме. Вальку жалко, Данилу закопают меня где-нибудь в лесу — так и не увижу, как растёт сын. Хорошо хоть, обеспечил семью перед смертью, и не только переведёнными в рубли английскими фунтами. Будут ещё получать авторские отчисления с моих песен и гонорары с переизданий книг. Да и квартира в наследство останется.

Ладно, хватит себя хоронить раньше времени! Ещё пока толком ничего не ясно, будем надеяться на лучшее. Только вот сидеть со скованными сзади руками — совсем не комильфо. Я попробовал привстать, но обнаружил, что короткая цепочка наручников пропущена между вертикальными жёрдочками спинки стула. Получается, я мог двигаться только вместе со стулом, и это было крайне неудобно. Может, получится выломать эти жёрдочки?

Впрочем, провести эксперимент я не успел, поскольку дверь распахнулась и в помещение вошёл невысокий человек в добротном, ладно сидящем костюме и вычищенных до блеска ботинках. Явно не из тех липовых гайшников, оказавшихся похитителями, скорее всего, их босс. Встав напротив, внимательно меня осмотрел, словно какую-то экзотическую зверюшку в зоопарке, затем, по-прежнему не произнося ни слова, вышел, снова оставив меня наедине с самим собой.

И что это было? Что за смотрины? Так и буду сидеть один в этом подвале хрен знает сколько?

Оказалось, не так уж и много мне пришлось ждать. Время я определить мог только по своим внутренним ощущениям, так вот, где-то через полчаса вновь появился «лейтенант».

— Предупреждаю: без глупостей, — хмуро бросил он мне, отстёгивая наручники.

Я внял его предупреждению и, подталкиваемый сзади моим надсмотрщиком, двинулся к выходу. Короткий подъём по лестнице, и я оказался в длинном полутёмном коридоре без дверей. Блин, как-то не по себе. Так по ходу дела пустит мне этот «лейтенант» пулю в затылок — и поминай как звали. Каждый шаг отдавался в моей голове хлестким выстрелом, и к концу коридора я успел изрядно взмокнуть несмотря на то, что в помещении было прохладно.

Коридор заканчивался простой дверью.

— Лицом к стене, — прозвучал приказ. Я молча повиновался. — Заходи.

Я оказался в небольшом помещении без окон, у дальней стены стоял стол с настольной лампой, свет от которой падал на разложенные на нём бумаги. С той стороны стола, в полумраке, сидел человек, лицо которого никак не удавалось разглядеть. Сидел он молча, словно и не дыша, этаким истуканом, тем самым всё больше нагоняя на меня ужас. Но в какой-то момент незнакомец подался вперёд, и я действительно испытал состояние настоящего ужаса. Как?! Этого не может быть! Он же мёртв!

— Что, удивлены, Сергей Андреевич?

Андропов откинулся назад, и его худое лицо, обтянутое пергаментной кожей, снова спряталось во мраке. На столе, на самом краю светового пятна, виднелись кисти его рук с длинными паучьими пальцами, увенчанными отросшими жёлтыми ногтями.

— Но... но вы же умерли!

— Смерть — понятие относительное, Сергей Андреевич. — Голос у него был скрипучий, словно половицы в старом доме. — Сами-то как считаете, вы сейчас живой или мёртвый?

— Конечно, живой! Вот он я, из плоти и крови.

Я даже попытался себя ущипнуть. Не вышло, потому как кусок кожи на руке, в который я хотел вцепиться ногтями, на моих глазах почернел и отвалился вместе с мясом, смачно шмякнувшись на пол и обнажив смутно белеющий лучезапястный сустав.

— Что происходит?! Что за херня здесь происходит?

В этот момент лицо Андропова снова выплыло из тьмы. Только теперь это уже было лицо монстра с растянутым в беззвучном смехе ртом. Посеревший язык из раззявленной пасти вывалился на стол, но Андропов каким-то образом мог разговаривать.

— Что, теперь ты такой же, как и я? Ну и каково это — гнить заживо, чувствовать, что по тебе ползают могильные черви? А знаешь, благодаря кому я оказался на три метра под землёй? С чьей подачи я ушёл почти на семь лет раньше отпущенного Им времени? Ты появился, Губернский, и стал мутить воду, обвинять меня перед товарищами по партии в несуществующих грехах. А те, ничтоже сумняшеся, устроили мне сердечный приступ. Думал, этим всё и закончится? Думал, надеялся, я забуду о тебе? Не-е-ет, дорогой ты мой, не получится остаться чистеньким. Я забираю тебя с собой, добро пожаловать в ад!

Сзади Андропова полыхнуло огнём, из которого ко мне потянулись сотни или даже тысячи невероятно бесконечных по своей длине рук, с такими же отросшими ногтями, как у покойного председателя КГБ.

— Простите, Юрий Владимирович, но мне там делать нечего. Я, в отличие от некоторых, свою страну не предавал и всякую мразь наверх не тащил.

— Ты-ы-ы...

Лицо Андропова перекошилось, и в этот момент одна из пламенных рук обхватила его за шею и потащила назад.

— Нет, нет! Я не хочу! — закричал Андропов. — Я проклинаяю тебя и весь твой род!

И в этот момент я с криком проснулся.

— Ты чего, кошмар, что ли, приснился? Даньку разбудишь, так орать.

Валя включила ночник, пристально вглядываясь в моё лицо и удручённо качая головой. А я чувствовал, как по мне струями стекает холодный пот пережитого только что ужаса.

— Да, хрень какая-то снится, покойники. К чему бы это?

— Кто-то из родных, знакомых? Кровь была?

— Нет, не родные и не знакомые. Хотя этого человека я знаю... Крови вроде не было.

— Водички принести?

— Не маленький, сам дойду. Спи, я сейчас вернусь.

Выпил на кухне стакан воды из-под крана, посмотрел на часы. Начало пятого, за окном царит декабрьская темень. А мне что-то спать больше не хотелось. Прикрыв кухонную дверь, я включил работающий от сети кофейник, засыпал в воду молотого кофе и через несколько минут уже цедил обжигающий ароматный напиток, подкрашенный ложечкой сливок.

Невольно вспоминались события, произошедшие со мной и страной в последнее время. Самым шокирующим стал уход Андропова, недаром он мне сегодня приснился. А ведь так и есть, вряд ли он случайно коньки отбросил, наверняка не обошлось без вмешательства людей Машерова, а вернее даже, Иващутина, поднаторевших в деле проведения спецопераций и в частности устранения людей, представляющих угрозу государственной безопасности.

Уже на следующий день по ТВ, радио и в газетах было объявлено, что обязанности Председателя КГБ СССР будет выполнять Семён Кузьмич Цвигун, с которым мы буквально накануне, в день смерти Андропова, общались по поводу продажи альбома моей группы в Англии. Вот эта новость меня действительно порадовала, учитывая, что с Цвигуном у нас установились неплохие отношения. Во всяком случае, мне хотелось в это верить.

Кстати, с его подачи повесть «Крах операции „Омега”» без очереди вышла в «Политиздате». Семён Кузьмич был указан как консультант, которому автор выражает искреннюю благодарность за помощь в создании книги.

«Пираты XX века» тем временем ушли в прокат ГДР, Венгрии и Болгарии, и даже Италия вроде бы вела переговоры о покупке прав на прокат картины. Следом за «Пиратами...» на экраны страны вышли ещё два фильма по моим сценариям — «Знак беды» и «Крейсера». На продукцию «Беларусьфильма» я серьёзной ставки не делал, хотя, вероятно, какую-нибудь фестивальную награду картина получит. Однако в прокате она явно не очень котировалась, разве что в самой Белоруссии более-менее прошла с успехом. Так как там были живы ещё многие участники тех событий, понятно, им интересно вспомнить и сравнить, что было в жизни и что теперь показывали на экране. А вот «Крейсера» с серьёзными батальными сценами на море и драматической линией главного героя сразу пришлись зрителю по душе. До «Марсианина» и «Пиратов...» фильму, впрочем, дотянуться по сборам было трудновато, но результат на старте всё равно был достойный.

Высоцкий этой осенью вернулся в Москву и готовился к съёмкам в картине «Место встречи изменить нельзя», намеченным на весну следующего года. Причём с готовым альбомом под названием «На хуторе», состоявшем из десяти лирических душевных песен. Альбом уже через два месяца вышел на виниле и сразу же завоевал любовь миллионов, а на одну из песен, «Роса», даже был снят клип, который крутили в «Утренней почте».

Через каких-то своих знакомых Высоцкий узнал мой новый домашний номер, на который и позвонил, и я пригласил его приехать на мою кооперативную квартиру. Сидя на кухне за чашкой чая с мёдом, он признался, как не хотел покидать гостеприимный хутор и только настойчивость Говорухина, апеллировавшего к совести актёра, склонила чашу весов к тому, что Высоцкий решил вернуться к работе в театре и кино. За время, прошедшее после визита Говорухина, он на хуторе наизусть выучил сценарий фильма. Заодно Володя поинтересовался прогнозами на будущее.

— Тебе по общемировым событиям или только касающимся лично тебя?

— Ну, ядерной войны не ожидается?

— Вроде нет. Разве что 1 января под Бомбеем «боинг» упадёт, погибнет более двухсот человек, а 20 февраля Брежневу вручат орден Победы. Ну это так, навскидку, может, и ещё что-то случится, но только эти даты проявились у меня в голове. Что же касается твоего будущего, то ничего плохого в течение следующего года с тобой произойти не должно. К тому же дата смерти, которую я называл в прошлый раз, уже не так ясна, понемногу стирается. Видно, ты всерьёз отнёсся к идее как следует взяться за своё здоровье. Курить не бросил? Уже меньше дымишь? Постарайся отказаться совсем и найти время записаться в бассейн. Мы вот всей семьёй как раз планируем пройти медосмотр, без медкарточки в бассейн не пускают.

— Я как-то больше баню люблю.

— Одно другому не помеха. Да и баня бане рознь. Можно попариться с пивком, а лучше с квасом, а можно из бани вернуться домой в невменяемом состоянии.

— Хорошо, но боюсь, свободного времени будет всё меньше и меньше. В театре вон Любимов вставил было мне пистон, а теперь снова вводит в спектакли. Да и с концертами зовут выступать.

— Пойми, всех денег не заработаешь. Жизнь даётся один раз. Я вон тоже кручусь как белка в колесе, однако вечером еду домой, к жене и сыну, а не на квартиру к очередным друзьям посидеть с гитарой под водочку с закуской. Как там, кстати, Марина?

— Опять в Париже. Вчера созванивались, обещает скоро прилететь. Говорит, обиделась очень, когда я, даже не попрощавшись, спрятался в Белоруссии. Но сейчас вроде отошла...

1 декабря случился мой первый учебный день на Высших двухгодичных курсах сценаристов и режиссёров.

— О, это же сам Губернский! Теперь и за режиссуру взялся?! — Такими словами меня встретил молодой грузинский режиссёр Михаил Чиаурели, оказавшийся моим сокурсником. Весёлый компанейский парень, предложивший после занятий отметить первый учебный день с литровой бутылкой отличного грузинского вина домашнего производства.

С учебой на другие дела времени стало оставаться куда меньше. Хорошо, что я догадался подцепить к моим рокерам Ованеса Мелик-Пашаева. Пронырливый администратор уже отправился с коллективом в турне по Западной Украине. У него там, как оказалось, жил какой-то армянский родственник, бывший на короткой ноге с руководством Министерства культуры, вот он и договорился насчёт гастролей. В СССР бандеровцы если и имелись, то хорошо шифровались, так что концерты проходили с аншлагом. Кроль и Мелик-Пашаев мне отзванивались из каждого города, радуя своими бодрими отчётами мою мятущуюся душу.

Англичане успели перечислить последний транш, а я отнёс Цвигуну список необходимого для нормальной студии звукозаписи оборудования. В новом кабинете, который раньше занимал Андропов, тот был не один, один из стульев за длинным аппендиксом Т-образного стола занимал человек лет тридцати пяти, в форме с майорскими погонами на плечах.

— Знакомьтесь, Сергей Андреевич, это майор госбезопасности Виктор Валентинович Метёлкин. Он полностью введён в курс дела и будет теперь курировать вашу группу. Так что по всем вопросам обращайтесь отныне к нему. Сами понимаете, в связи с новой должностью пришлось в срочном порядке принимать дела. Ничего не успеваю, да и ответственность, понятное дело, на порядок выше. Голова пухнет. Хотел вон, вдохновлённый вашим примером, тоже за книгу засесть, теперь уже, похоже, не скоро это получится, если получится вообще. Кстати, оставьте автограф, раз уж пришли. — И подсунил мне только что изданную повесть

«Крах операции „Омега”». — К слову, помните ту статью в «Ровеснике»?

— Разве такое забудешь! До сих пор руки чешутся...

— Не надо ничего чесать, почесались уже и без вас. Тот комсомольский секретарь, с подачи которого вышел материал, погорел недавно на интимной связи... как бы помягче сказать... с особой мужского пола. Опозорил всю организацию. Естественно, его тут же из комсомола пинком под его испорченный зад, да ещё и срок грозит. Это же статья, до пяти лет. Ну и журналисту намекнули, чтобы думал в будущем, с кем дружбу водить... Ладно, через семь минут у меня важный посетитель, так что перепоручаю вас Виктору Валентиновичу. Если есть ещё какие-то вопросы, обговорите у него в кабинете...

Вот это новость, думал я, покидая зловещее для кого-то здание, перед которым высился памятник «железному Феликсу». Неужто комсомольский вожак и впрямь из «радужных»? Или это Цвигун так всё ловко подстроил? Как бы там ни было, всё разрулилось очень даже здорово.

Ещё мне не давала покоя мысль о самоубийстве Семёна Кузьмича в 1982-м. Было ли это добровольным уходом из жизни на фоне якобы неизлечимой болезни или ему «помогли» с подачи теперь уже покойного Андропова, потому что он слишком много знал, — тут я мог только строить догадки. Если второй вариант — то здесь Семён Кузьмич уже сам хозяин главного кабинета на Лубянке, и кто тогда рискнёт покуситься на фигуру такого масштаба? Ежели его прихватит онкология, то насчёт этого как раз и не мешало бы предупредить. Только как это помягче сделать? Не скажешь же ему: «Семён Кузьмич, вы уж поглядывайте за своим здоровьем, а то в 82-м от рака загноётесь». Ладно, ещё пять лет почти, время есть, нужно будет по-любому предупредить хотя бы за год, когда болезнь может находиться на начальной, а значит, излечимой стадии.

— Ты тут спишь, что ли, прямо за столом? — Голос Валентины вернул меня к действительности.

А время-то уже семь почти, вот это я засиделся...

— Завтракать будешь?

— Да я вон кофе обпился, ничего не хочу. А давай я тебе яичницу пожарю?

— А что, и пожарь, сделай жене приятное.

— Тебе глазунью?

— Нет, болтуню лучше, два с лишним года вместе живём, а все запомнить не можешь, — шутливо пихнула она меня в бок. — Даньку заберёшь сегодня из яслей? А то я в парикмахерскую краситься записалась, там было свободно только на вечер. И в яслях ещё справку просили из поликлиники, о прививках, зайди пожалуйста, возьми у старшей медсестры. Даньку будешь забирать, отдашь её воспитательнице.

— Как ты, кстати, в рыбном, не скучаешь? — спросил я, взбалтывая яйца в чашке.

— Заскучаешь там, ага... Ассортимент вроде небольшой, а очередь как с утра встаёт — и до самого вечера. И преимущественно пенсионеры. Вот же людям делать нечего на пенсии, и ходят за минтаем для себя и килькой для кошечек. Серёж, мы что, такие же будем через двадцать лет?

— Ещё дожить надо до пенсии... А коллектив как, не обижают девчонки?

— Да коллектив вроде неплохой, с девочками сразу сдружились, там почти все, кстати, приезжие, из провинции. А парторг сразу заявил, что если дров не наломаю, покажу себя хорошо, то через месяц можно будет и заявление в партию написать.

— Может, всё же поискать тебе более престижное местечко? А то жаловалась, что

рыбный дух ничем уже из тебя не выветривается...

— Бог с ним, с рыбным духом, я уже к нему привыкла. Да и тот же парторг намекал, что, как единственный член партии в гастрономе, я смогу получить должность заведующей, потому как наш заведующий Семён Палыч планирует после ухода на пенсию уехать к детям в Одессу. А ему до пенсии остался месяц. В общем, не забудь заехать в поликлинику и забрать вечером Данилу, — напомнила Валя, выгребая со дна сковородки корочкой хлеба остатки яичницы.

— А ты давай учи «Моральный кодекс строителя коммунизма», — подколот я жену.

— Чего его учить, там всего двенадцать пунктов. Сам, кстати, не хочешь в партию?

— Свят-свят! Чур меня!

— Ну как хочешь, а я буду с гордостью носить в кармане партбилет... Так, надо Даньку будить. Эх, и крика сейчас будет...

Спровадив жену с сыном, я прошёл в кабинет и сел за пишущую машинку. Вчера я начал очередную повесть о приключениях Эраста Фандорина. Читатели слали в издательство мешки писем, требуя продолжения цикла о похождениях сыщика, и под давлением главного редактора издательства мне пришлось вернуться к машинке. Проблема заключалась в том, что всё, что у меня было в «ридере» акунинского, я уже перепечатал, сюжеты других книг я помнил не столь хорошо, и теперь предстояло придумывать произведение почти с нуля.

В итоге, с неделю побившись головой о стену, решил устроить Фандорину командировку в Пензу конца XIX века. Раз уж я досконально знаю историю родного города, то пусть в нём появится вымышленный мной аналог профессора Мориарти. Вот пускай Эраст Петрович с этим злодеем и разбирается. Заход у меня уже был готов, теперь предстояло сделать над собой усилие и посвятить несколько часов писательскому труду.

Сегодня был день, свободный от учёбы на режиссёрских курсах. Сидя на занятиях у Рязанова, я каждый раз придумывал, какие сниму фильмы после получения диплома. Дипломная работа не в счёт, придётся, как и всем, снимать короткометражку. А там можно будет замахнуться и на полный метр. Может, снять фильм под Чарскую? К тому времени она наверняка будет на равных соперничать и с Пугачёвой, и с Ротару. Алла как раз укрепит свой статус звезды после выхода на экраны в 1979 году фильма «Женщина, которая поёт». Но потом я подумал, что биографии Чарской и Пугачевой нет смысла сравнивать. Моя подопечная на сцену-то вышла всего пару лет назад и находилась в начале творческого пути, несмотря на победы на всесоюзных и международных конкурсах, а примадонне действительно есть что рассказать зрителю. Другое дело, если я напишу для Инги сценарий фильма, где не нужно звездить своей биографией, пусть покоряет зрителя внешними данными и драматическим талантом. Ну насчёт таланта я, может, и преувеличил, но если только немного. Обретаясь на сцене, девушка изрядно поднаторела в плане артистизма, думается, что и перед камерой она могла бы изобразить необходимую гамму эмоций.

Впрочем, как говаривал Цвигун, рано делить шкуру неубитого медведя. Нужно ещё получить диплом, и вообще неясно, что будет со страной через пару лет.

Пётр Миронович Машеров не жаловал самолёты. Но что делать, если работа требует постоянных перемещений на большие расстояния! Чаще всего конечно же приходилось летать в Москву и обратно в Минск, хотя и по республике доводилось немало путешествовать по воздуху, когда времени было в обрез. Як-40 два часа назад поднялся в воздух из аэропорта Домодедово, взяв курс на столицу Белоруссии, и у Машерова было время как немного вздремнуть, как это делал сидевший в соседнем кресле Мазуров, так и перевернуть последние события.

Очередной сбор заговорщиков по традиции проходил на даче Ивашутина через несколько дней после устранения Андропова. На этот раз собрались не все, но костяк организации присутствовал. К тому же к присутствующим добавился попавший в опалу генсека Александр Шелепин. Последние годы он работал заместителем председателя Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию, что, безусловно, для фигуры такого масштаба было настоящим унижением. Этим-то и воспользовались заговорщики, когда решили привлечь Александра Николаевича в свои ряды. Тот колебался недолго. Рассказ о хронопутешественнике вызвал у Шелепина неподдельный интерес, он мечтал лично познакомиться с человеком, провалившимся в прошлое на сорок лет. Впрочем, даже не зная о попаданце, бывший начальник КГБ и экс-член политбюро, известный своим радением за простой народ, и так согласен был помогать менять существующий строй.

Машеров сразу отчитался о свежих результатах исследований химического состава крови Губернского.

— Пока проходят эксперименты на мышах, и предварительные результаты, по словам учёных, внушают повод для оптимизма. Якобы после введения сыворотки в организм больного грызуна его клетки начинают самообновляться. То есть больные клетки вытесняются здоровыми. Я не специалист в этом вопросе, могу выразиться только общими фразами, но меня заверили, что эти исследования могут стать прорывом в медицине.

— Очень любопытно, — откликнулся Романов. — Надеюсь, информация об исследованиях ещё не стала достоянием гласности? Никто из биологов не собирается пока писать статью в «Науку и жизнь»?

— Работы проходят в засекреченной лаборатории под моим личным контролем. Задействованы всего три человека, об их участии в этом проекте знаю только я, присутствующий здесь Кирилл Трофимович Мазуров и ещё двое, на которых я могу положиться как на самого себя.

Посвятив обсуждению этой темы ещё несколько минут, решили перейти к следующим вопросам.

— Как мы и договорились, кончину Андропова используем в наших целях, — сказал Цвигун. — Буквально на днях мы собираемся через СМИ обвинить агентов западных спецслужб, республиканских националистов и прозападных диссидентов в организации покушения на верного ленинца, преданного сына нашей партии, героического чекиста Юрия Владимировича Андропова. После этого комитет начинает «закручивать гайки», организуя тотальную зачистку всех перечисленных и вычищая из окол властных кругов всю эту прозападную шайку, прежде опекаемую Андроповым. Имеется в виду группа якобы учёных-экспертов, будущих «перестройщиков» и «реформаторов». Под одну гребёнку с ними попадут

и андроповские кадры в КГБ. Одновременно устраиваем слежку за всеми предателями во властных кругах, выясняем круг общения, собираем компрометирующий материал. Кроме того, готовится компромат на ряд близких к Устинову генералов. У нас уже имеются сведения об их нечистоплотности, хотя по сравнению с воровством XXI века, с делом тех же Сердюкова и Васильевой, они ещё просто дети. Но лучше рубить гнилое дерево на корню. Далее берём, так сказать, за жабры Чазова, компромат найдём и на него. Или просто намекнём, что министры здравоохранения тоже иногда умирают от обширных инфарктов. Он должен будет накачать Леонида Ильича таблетками до невменяемого состояния, затем на политбюро товарищами Кулаковым и другими нашими сподвижниками оглашается компромат на Устинова. Надеюсь, фактов будет достаточно, чтобы Дмитрий Фёдорович отправился в отставку, а Министерство обороны возглавил нынешний руководитель Генерального штаба Вооружённых сил Николай Васильевич Огарков. Кстати, не мешало бы Огаркова уже понемногу привлекать на нашу сторону. — Цвигун обвёл пристальным взглядом собравшихся и продолжил: — Далее мы с Петром Ивановичем нейтрализуем Щёлокова и Чурбанова, гарантируя им почётную отставку и сохранение нажитого непосильным трудом. После чего давим на Громько, Гришина и иже с ними — компромат у нас всегда под рукой — и с их помощью организуем перевод Брежнева на декоративную должность председателя КПСС. Как он, впрочем, сам и хотел. Продвигаем в генсеки Григория Васильевича Романова, а в предсовмина — Петра Мироновича Машерова. А дальше, получив всю власть в свои руки, отодвигаем на третий план потенциальных предателей. Те же Горбачёв, Ельцин, Шеварднадзе, Алиев, Рашидов... Хотя Рашидов — фигура неоднозначная. Помните, что о нём писал Губернский? После того, как вскроются факты аферы и воровства в УзССР, он покончил с собой. Но именно при Рашидове в республике буйным цветом начали цвести национализм и русофобия. Думаю, можно ему сделать предложение, от которого он не сможет отказаться. Или расстрельная статья и позор на всю семью, или он сдаёт всё ворьё в своей вотчине (а заодно выдаёт известные ему факты об аналогичных преступлениях в соседних республиках), помогает выкорчёвать всю гниль, вернуть в казну наворованное — и за это получает амнистию и никаких уголовных дел, никаких политических обвинений. Затем назначение послом в тихую уютную европейскую страну с сохранением всех регалий, возможность писать и издавать книги и впоследствии — персональная пенсия союзного значения. Отдельным пунктом у меня тут стоит Гвишиани и его команда будущих «младореформаторов». Не хватало нам ещё Кохов и Чубайсов у власти с их залоговыми аукционами. Пусть вон руководят лесозаготовками в Сибири. Заодно не мешало бы как следует прошерстить Институт США и Канады (который правильнее было бы назвать институтом Агентов влияния США и Канады), а также МГИМО, где среди преподавательского состава уже полно прозападной швали. Да и некоторые студенты из числа так называемой «золотой молодёжи» успели прогнить, несмотря на возраст. Кроме того, надо не забыть Институт мировой экономики и международных отношений. Его ректор Николай Николаевич Иноземцев, может, и не при делах, но там со времён прежнего начальника Евгения Самуиловича Варги собрался такой прозападный гадючник... Именно из ИМЭМО, по словам Губернского, вышли многие идеологи «рыночных реформ». Ну и начинаем наводить в стране порядок, понемногу отодвигая её от пропасти.

Настала очередь Ивашутина держать ответ. Как обычно, глава ГРУ добросовестно подготовился к докладу, выдавая чёткие, без всякой «воды» формулировки.

— По Пакистану и Северному Йемену... В обоих случаях не без нашей, признаюсь,

помощи, предотвращены военные перевороты. Заговорщики, в первом случае это Зия-уль-Хак со своими приспешниками, а во втором — генерал аль-Гашеми, были казнены. Отношения с нашей страной после этих случаев укрепились ещё больше. Сейчас у нас на очереди Афганистан. Приход к власти Дауда у нас многими был воспринят неоднозначно. Однако, несмотря ни на что, Советский Союз и Республика Афганистан осуществляют совместные экономические проекты, афганская армия закупает у нас вооружение, а их офицеры проходят в СССР обучение. Дауд сумел нормализовать отношения с соседями, с теми же Пакистаном и Ираном. Если вместо Дауда придут революционные авантюристы Тараки, Амин и прочие, то неизбежно и очень быстро разгорится гражданская война с известными последствиями. Наша страна встанет перед выбором: либо лезть в чужую драку, сопряжённую с большими человеческими потерями и экономическими расходами, как это было в прожитой Губернским реальности, либо допустить банды исламистов к границам советской Средней Азии. СССР не нужно ни то ни другое. — Ивашутин сделал передышку, отпив воды, и продолжил: — И ещё коснусь темы Ирана. Сейчас Рухолла Хомейни обретается в Ираке, а в следующем году переберётся в Париж, откуда продолжит вести подрывную деятельность против нынешнего иранского правительства. В 1979-м, как мы помним из рукописи Сергея Андреевича, он возглавит переворот, и на следующие десять лет станет лидером Ирана. Если Хомейни и его окружение вовремя отправятся к гуриям, к власти при поддержке СССР вполне может прийти просоветское правительство «исламских социалистов» во главе с Раджави. Значит, и тут нормализация между Ираном и Афганистаном выгодна Советскому Союзу.

— А что с Ираком? — спросил Цвигун.

— По нашим сведениям, коммунистов там понемногу начинают подавливать, а вот в 1979 году, уже после того, как Саддам Хусейн сядет в президентское кресло, всё завершится запретом компартии. Если объект не ошибся и не приврал, но причин сомневаться в правдивости его слов я не вижу, надо бы просветить президента Аль-Бакра, что его любимый племянник Саддам намерен его свергнуть и упрятать под домашний арест, где он в 1982-м умрёт, скорее всего, не своей смертью. А соратникам Саддама по правительству Ирака и руководству партии БААС можно подкинуть информацию, что Саддам намерен, сев в президентское кресло, большинство из них отправить к гуриям. И после такого, что-то мне подсказывает, соратники и Аль-Бакр Саддама самого зароят в пустыне, благо места там достаточно. Тогда, глядишь, не случится и предсказанной Губернским ирано-иракской войны в 1980 году. Но в любом случае для СССР геополитически Иран важнее Ирака... Так как, товарищи, у кого какие мнения?

— Что ж, Пётр Иванович, — подытожил Машеров. — Всё разложили по полочкам, даже придраться не к чему. Получается, вам и карты в руки, а Семён Кузьмич вам в помощь.

Цвигун поймал на себе взгляды товарищей и согласно кивнул.

— Можно сделать предложение? — спросил Романов.

— Да, конечно, Григорий Васильевич, — на правах председательствующего разрешил Машеров.

— Как вы смотрите, товарищи, на то, чтобы привлечь к нашей работе секретаря ЦК КПСС Якова Петровича Рябова?

— А, о нём же Губернский тоже упоминал, — кивнул Цвигун. — Это тот Рябов, который курирует отрасли военно-промышленного комплекса. Якобы из-за разногласий с Устиновым угодил в опалу и в 1979-м переведён на должность первого зампреда Госплана СССР.

— И который Ельцина своим преемником назначил на пост Первого секретаря Свердловского обкома партии. Правда, о чём пожалел годы спустя. Если опять же верить вышеупомянутой рукописи, — добавил Кулаков.

— Я всё это читал, — согласился Романов. — Но Рябова я знаю лично, и в бытность свою первым секретарём обкома Яков Петрович проявил себя с лучшей стороны, терпеть не мог интриг присосавшихся к партии пиявок. Часто в конфликте вставал на сторону рядовых, но правых по сути членов партии против руководителей парторганизаций, давивших тех, кто их критиковал. Причём критиковавших по делу. А до этого прошёл путь от токаря до начальника цеха и не понаслышке знает, что такое стоять у станка. На его стороне молодость и перспективная должность секретаря ЦК. Если бы не Устинов, то Рябов далеко пошёл бы.

— Ну а что, давайте подключим молодого партийца к нашей работе, — высказался Мазуров. — Кто будет проводить с ним непосредственную работу?

— Раз уж я взялся за Ельцина, то и с Рябовым, его предшественником, как-нибудь разберусь.

— Ну и ещё один из самых важных на сегодня вопросов, — тяжело вздохнул Машеров. — Мы тут с Кириллом Трофимовичем и ещё одним нашим общим знакомым, председателем колхоза Николаем Николаевичем Тертыхным, по-свойски посидели недельку над одним документом и сочинили следующее... Я вам всем раздам по экземпляру, естественно, с просьбой хранить его как зеницу ока, а пока зачитаю вслух. Своего рода постулаты будущей экономической политики. Итак. — Машеров откашлялся, глотнул воды и приступил к чтению: — «То, что создано на деньги страны и трудом народа, только им и должно принадлежать. Хочешь заняться своим бизнесом — построй его сам, с нуля, за свои. Тогда и станет ясно, кто трудяга и хозяин, а кто просто ворюга и спекулянт, которому лишь бы хапнуть то, что плохо лежит.

Можно допустить что-то вроде кооперативного движения. Только это не должны быть спекулянтские торгово-закупочные кооперативы, как при Горбачёве, скупавшие дешёвые товары в государственных магазинах и перепродававшие их, многократно задрав цены. За это должна быть расстрельная статья, тем более что таким способом деньги в них отмывает криминалитет. Хочешь торговать? Торгуй только тем, что сам произвёл. Или услугами, которые сам оказываешь, например, в сапожной мастерской или ателье по ремонту одежды.

Любой советский гражданин может открыть кафе, пекарню, цех по пошиву одежды или обуви, производству мебели, посуды, игрушек, произведений народных промыслов. Покупают грузовик или легковой пикап — и развозят товары. Покупают лодку — и ловят рыбу в морях, озёрах и реках. Строят свою ферму по разведению животных или рыб. Желаящим можно разрешить выписываться из колхоза и создавать своё хозяйство, но не где захочешь, а в определённых местах, а именно: в Нечерноземье, где много пустых земель и заброшенных деревень, в Сибири, на Дальнем Востоке — в последнем случае должны быть налоговые льготы. Это будет полезно и геополитически, увеличив население приграничных с Китаем районов.

Добыча всех полезных ископаемых должна находиться в руках государства. А также вся энергетика, трубопроводы, морской, речной, воздушный и железнодорожный транспорт со всей инфраструктурой, связь, строительство любой государственной недвижимости, ВПК, космическая отрасль, научная сфера, медицина, образование, внешняя торговля, финансы, пищевпром, кроме мелких кафе, пекарен и тому подобного.

Должна оставаться и государственная торговля как альтернатива частникам, чтобы не

задирали цены. При этом надо максимально устранить главного раздражителя народа — советского торгаша — хама, вора и создателя дефицита и пустых прилавков. Госторговлю надо максимально автоматизировать и компьютеризировать, чтобы покупатели шли не к тётке за прилавком, а к торговому автомату, заправляя в него деньги или засовывая карточку. Расчёты внутри СССР, особенно между предприятиями, надо максимально перевести на безналичный расчёт, автомат отправляет в специальный контрольный центр при ОБХСС, сколько в него было заложено товара, сколько куплено, эти цифры сверяются с количеством пришедшего на базы и отправленного в магазины, тут особо не поворуюешь.

Кроме того, необходимо поощрять создание предприятиями, включая колхозы и совхозы, своих фирменных магазинов, в которые продукция идёт напрямую. Несколько предприятий могут создавать такие магазины вскладчину.

По мере развития компьютеризации стараниями Жореса Ивановича и других учёных создавать интернет-магазины, так, чтобы из Петропавловска можно было заказать товар, произведённый в Тирасполе, с доставкой. Но это уже на перспективу, дело не ближайшего будущего.

На рынках тоже прижать местную мафию. Каждому колхозу и совхозу выделяется своё место, на которое приезжают фуры с продукцией и автобус с персоналом, и не только торговли, но и крепкие мужики и парни как группа поддержки. Начальство рынка уже не решает, кому торговать, а кому нет, а просто следит за порядком, получая списки торгующих и перечень товара. То есть выполняет свои прямые обязанности.

Опять же, чётко обозначено, где и какой колхоз или совхоз торгует, чтобы покупателю было ясно, на кого жаловаться в случае чего.

Что касается частной и государственной собственности. — Машеров сделал ещё один плоток. — Ведь есть ещё и коллективная. И именно она больше всего подходит социалистической стране. Ещё Ленин заявлял: „Фабрики рабочим, а землю крестьянам”. А на самом деле как получается? Практически ни в одной стране соцлагеря средства производства де-юре не перешли в руки тех, кто на них работает. Коллективная общественная собственность была подменена национализацией. Но национализированные производства де-факто становятся собственностью бюрократа, который обычно в лучшем случае управляет этой собственностью из рук вон плохо, а в худшем — ещё и корыстно. Так было и с колхозами, которые, по идее, должны стать кооперативами крестьян, а фактически оказались в полной власти бюрократа. Почему трудящиеся в СССР во время прихода к власти Ельцина и его приспешников не сопротивлялись капитализации и приватизации? Да потому, что не считали свои предприятия своими. Для них это были предприятия государственной бюрократии. А тут либеральная пропаганда им втюхивает про „частного хозяина”, который придёт вместо бюрократа, дурака и вора, и будет как в Европе и Америке. Надо заранее выбить у прокапиталистической пропаганды козыри, чтобы народ про своё предприятие чувствовал — это моё, не трожь!

В лёгкой промышленности и в совхозах государству достаточно иметь блокирующий пакет, а основная доля будет у коллектива. В тяжёлой промышленности, добыче полезных ископаемых, пищепроме, производстве лекарств, строительстве, кроме объектов особой важности, и других производствах кроме опасных, например химических, издательском деле доли государства и коллектива должны быть равны. На транспорте, кроме воздушного, в энергетике, кроме атомной, у государства контрольный, а у коллектива — блокирующий пакет.

Возникает вопрос, что делать с алкоголиками, бракоделами и тому подобными личностями, оказавшимися среди акционеров народных предприятий? А таких надо гнать взащей по решению коллектива, причём по закону они будут обязаны продать коллективу свою долю. А чтобы коллектив эту долю не зажимал, она должна облагаться немаленьким налогом, и тогда у коллектива будет стимул побыстрее найти стоящего работника и передать ему эту долю.

Только в ВПК, космосе, на воздушном транспорте, связи, на опасных производствах, в финансах, медицине и других ключевых отраслях государственный контроль должен быть полным, хотя и коллектив через избранный совет или комитет должен иметь свой голос.

Аналогично СМИ, как электронные, так и печатные. Независимых средств массовой информации не бывает по определению, любые СМИ априори зависимы от своих владельцев, поэтому в СССР ими должно владеть только государство.

Колхозы и совхозы надо освободить от диктата чиновника. Что, где и когда выращивать — решают не в обкоме или райисполкоме, а непосредственно на селе. Тем, кто выращивает то, что нужно государству, — льготные кредиты, ГСМ с большой скидкой, технику в лизинг на льготных условиях. При этом собранный урожай колхозы и совхозы должны не отправлять на базы, где его сгноят (не считая закупок Госрезерва), а хранить у себя, причём государство будет за это платить. Но и штрафовать, если сгноили. Вот тогда дефицита продуктов в СССР не будет».

— О-го-го, как же много предстоит сделать, — почесал бровь Романов.

— Вам же, Григорий Васильевич, всем этим и руководить, если всё у нас получится, как задумываем, — сказал Кулаков. — А уж мы вам в помощь. И кстати, у меня предложение по Лапину... Он же грамотный профессионал, сейчас, правда, восстанавливается после болезни, но в будущем мог бы ещё принести пользу. Например, на перспективу можно создать что-то вроде американской корпорации «Свобода/Свободная Европа», только на советский лад. Назвать ее, к примеру, «Корпорация „Независимость”», Это будет группа радиостанций, в отличие от Иновещания СССР, формально «независимых» от властей СССР. Например, «Радио „Независимая Европа”» будет находиться в ГДР и вещать на Западную Европу, «Радио „Независимая Азия”» обоснуется в Монголии или Вьетнаме и будет вещать на Азию и страны Океании. «Радио „Независимая Америка”» будет находиться на Кубе и вещать на Новый Свет, «Радио „Независимая Африка”» — на Мадагаскаре или другой островной стране с социалистическим правительством у берегов Африки и будет вещать на Чёрный континент. Никакой агитации в лоб за коммунизм, социализм, СССР или против империализма и капитализма. Эти радиостанции должны специализироваться на вытаскивании грязного белья власть и деньги имущих в проамериканских странах и вообще всех симпатизантов США и врагов СССР. Кто, где и сколько ворует, как правители и олигархи продают интересы своих стран Вашингтону, как Штаты унижают эти страны, используют их как поле боя в будущей войне... Все это разбавляется музыкой и песнями оппозиционно настроенных певцов и групп, которым закрыт доступ к электронным СМИ и записывающим студиям, находящимся в руках властей и проамериканской олигархии. Да-да, есть там и такие. Ну а между делом завуалированно будет подкидываться позитивная информация об СССР. Лапин с такой работой справится, надо только задать ему рамки, чтобы не допускал излишней и прямолинейной идеологизации и кондовости.

— Дельное предложение, — озвучил мнение собравшихся Мазуров. — Только бы здоровье Сергея Георгиевича не подкачало. Надо бы навестить его, что ли, какие-то

контакты навести уже сейчас.

— Тоже верно... Ну что, ещё есть какие-то вопросы или можем быть свободны? — поинтересовался Кулаков. — А то у меня встреча через полтора часа в Совмине.

Когда все уже одевались, Машеров негромко попросил Цвигуна ненадолго задержаться.

— Семён Кузьмич, тут такое дело, — немного смутившись, начал Машеров. — Недавно у нас с Губернским была личная встреча, он мне передал кое-какие бумаги по реорганизации телевидения. И заодно попросил при случае сказать вам, что вспомнил после того, как написал свою первую рукопись о будущем положении дел в стране. В общем, согласно официальной версии, в январе 1982 года вы застрелитесь во время тяжёлой и продолжительной болезни. Хотя по другой версии, вам помогли уйти люди Андропова. Ну, Юрия Владимировича, как видите, уже и самого нет, так что теперь вам необходимо обратить пристальное внимание на состояние своего здоровья.

— Хм, спасибо, учту.

Выдержке Цвигуна можно было позавидовать, ни один мускул не дрогнул на его лице...

— Пётр Миронович, Кирилл Тимофеевич! Посадка через десять минут.

Машеров вышел из задумчивости и поднял глаза на симпатичную стюардессу. С этой он летел второй раз, если считать вчерашний перелёт из Минска в Москву. Где их, интересно, таких находят, словно на подбор? Или это только для правительственных рейсов выделяют столь обаятельных красавиц?

— Спасибо, Ирина, — кивнул он, прочитав на лацкане её форменного пиджака «Ирина Севостьянова». — Ремни пристёгивать?

— Обязательно, Пётр Миронович.

Из аэропорта, распрощавшись с Мазуровым, Машеров поехал не домой, а на работу. До вечера ещё оставалось время, а он чувствовал себя не настолько уставшим, чтобы терять часть рабочего дня. Забот у него всегда хватало, а после того, как на его жизненном пути появился Губернский, дел и вовсе стало невпроворот. Постоянные перелёты, встречи, ночные посиделки в кабинете за решением политических и экономических задач теперь уже не только Белоруссии, но и всего СССР... Да если уж быть откровенным перед собой, то и плетение интриг стало тоже его головной болью. А куда деваться, если история не оставляет выбора?!

Последняя новость меня откровенно обрадовала. Ну что это, в самом деле, альбом выходит за границей миллионным тиражом, а мы тут мыкаемся по окраинам Союза, как какие-то диссиденты. Где логика? Об этом я и намекал Цвигуну во время нашей последней встречи в его новом кабинете, когда предоставлял список оборудования для студии. Тот согласился, что получается не совсем правильно, и сказал, что посоветуется с Демичевым насчёт возможности выезда группы за рубеж.

И вот вчера в моей квартире раздался звонок из Министерства культуры СССР, и вежливый мужской голос поинтересовался, смогу ли я завтра, то есть уже сегодня, подойти в Минкульт и пообщаться с Демичевым. Я посмотрел своё расписание, сказал, что до 14 часов у меня занятия на Высших режиссёрских курсах, а потом я в принципе свободен. На том конце провода попросили минутку обождать, после чего предложили подъехать в Минкульт к 15 часам. Я ответил согласием.

Припарковавшись на открытом в эти годы для движения транспорта Арбате у особняка дореволюционной постройки, ровно в три часа дня я переступил порог кабинета Демичева. Министр встал из-за стола, радушно улыбаясь, пожал мне руку, предложил чай или кофе, и я не отказался. Столовой на курсах не было, так что к концу занятий я изрядно проголодался, а тут к чаю ещё и печенюшки всякие принесли.

Пётр Нилович тактично подождал, пока я некорректно опустошу первую чашку, после чего перешёл к делу:

— Сергей Андреевич, вы, наверное, догадываетесь, по какому поводу я попросил вас прийти?

— Что-то мне подсказывает, повод может быть связан с музыкальным коллективом, который я курирую.

— Вы не ошиблись. У меня недавно был разговор с Семёном Кузьмичом Цвигуном, с которым вы, как я понял, тоже общались, и мы обсуждали возможность зарубежных гастролей ВИА «Aurora».

Я промолчал, не время поправлять самого министра. ВИА так ВИА, от меня не убудет. Надеюсь, он не собрался на самом деле переименовывать нашу группу? А то будет выглядеть немного смешно.

— Это было бы здорово! — сказал я, внутренне ликуя.

— Я ознакомился с творчеством коллектива, прочитал перевод песен... В принципе я ожидал худшего, хотя Семён Кузьмич говорил, что тексты вроде идеологически выдержаны. Тут я соглашусь, хотя сама манера исполнения... Но думаю, молодёжи понравится, тем более что музыка в своём роде оригинальная.

Я ждал, когда он закончит разглагольствования по поводу нашего неоднозначного творчества.

— Так вот. — Демичев поправил на носу очки в роговой оправе. — Диск вашей группы на Западе ещё не вышел, а какие-то концертные записи уже разлетелись не только по Союзу, но и за его пределами. Вот, на днях пришёл запрос из венгерского Министерства культуры насчёт возможности устроить у них гастроль вашего вокально-инструментального ансамбля. — Демичев сунул мне в руки какую-то бумажку, но я в мадьярском языке не разбираюсь, поэтому вынужден поверить министру на слово. — Как вы на это смотрите,

Сергей Андреевич?

— Со всех сторон положительно, Пётр Нилович.

— Я в вашем ответе не сомневался. Тем более что какая-никакая, а валюта, и нашей стране она не помешает. Форинты, кажется, у них в ходу? Музыканты, само собой, внакладе не останутся, поездка намечается серьёзная. Сейчас, насколько я знаю, коллектив гастролирует по Украине?

— Да, по Западной Украине, кстати, где-то там недалеко и венгерская граница.

— Сергей Андреевич, мы не разделяем Украину на Западную, Центральную и Восточную...

— Простите.

— Ну так вот, им всё равно придётся побывать у нас, чтобы подписать все необходимые документы. А загранпаспорта у них есть? Тогда пусть озаботятся их оформлением, если нужно будет ускорить процесс, мы поможем, сделаем звонок кому надо. А вот когда паспорта будут готовы, тогда решим вопрос с графиком гастролей по Венгрии.

— Всё понятно, Пётр Нилович. В общем, если возникнут проблемы с оформлением паспортов или какого другого плана, я сразу звоню вам.

— Рад, что вы меня поняли.

— А-а, извиняюсь, мне-то самому нужно оформлять загранпаспорт? Или меня отправлять не планируется? А там ещё у нас помимо музыкантов как бы и администратор есть. Ну, он тоже иногда, кстати, подыгрывает перкуссионистом. Мелик-Пашаев, может, слышали?

— Мелик-Пашаев? Не припомню... Хорошо, мы выясним, а насчёт вас... тоже выясним.

Не иначе Цвигуну звонить собрался. Ладно, я за себя особо-то не переживаю, хотя моё присутствие с группой желательно, тем более если Ованесу не разрешат выезд. Всё-таки первые зарубежные гастроли, такая ответственность.

— Это будет не сольное турне, как сейчас модно говорить, а в некотором роде творческая делегация. К вам будет прикреплён ансамбль, кандидатуру коллектива мы пока рассматриваем, он будет выступать в первом отделении концерта.

Вот тебе раз! Ну никак без нагрузки не обойтись! Понятно, туда же ещё небось и комитетчика приткнут, того же майора Метёлкина, а то как это — зарубежная поездка и без куратора! Но я был не в том положении, чтобы качать права. Лишь бы не какую-нибудь «Лейся, песня» к нам прикрепил.

— А может, взять Ингу Чарскую? В смысле, на первое отделение?

— Чарскую?.. А что, неплохой вариант.

— Тогда я поговорю с ней на предмет первых и для неё заграничных гастролей?

— Не торопитесь, мы всё же ещё подумаем. Вот, запишите телефон моего заместителя, Андрея Львовича, в дальнейшем он будет курировать ваш вопрос.

Учитывая, что мои гастролёры вернутся только на следующей неделе, это время я решил использовать с пользой. В том числе планировал посетить нового-старого председателя Гостелерадио Николая Николаевича Месяцева, предварительно добив новый вариант своих предложений для Центрального телевидения.

Но попасть на приём оказалось не так-то легко. С Лапиным ведь как получилось... Ему мой опус вручил Машеров, а Лапин сам меня вызвал, как говорится, на ковёр. Теперь же я сам решил проявить инициативу, позвонив в здание на Пятницкой с просьбой записаться на приём к Месяцеву. Меня честно предупредили, что к Николаю Николаевичу сейчас очередь

на месяц, а учитывая, что к нему регулярно подъезжают разного рода внеочередники, которым нельзя отказать, то и очередь может растянуться на большой срок. Я всё же записался, но тут же стал названивать Машерову в надежде, что он поможет мне добиться внеплановой аудиенции у человека, который вернул свой пост, причём не без моей помощи.

— Всё никак не уgomонитесь? — со вдохом произнёс Машеров в трубку. — Хорошо, я попробую что-нибудь сделать.

— А у меня тут ещё кое-какие мысли появились по поводу ВЛКСМ. Но это уж как-нибудь при личной встрече, сами понимаете: разговор не телефонный.

— Давайте тогда послезавтра встретимся, я как раз буду в Москве по делам.

В назначенный срок мы пересеклись, и я отдал Петру Мироновичу трактат о роли комсомольской номенклатуры в разрушении СССР и капитализации, предложив после прихода машеровцев к власти вообще разогнать ВЛКСМ. Основание — полное идеологическое перерождение. Достаточно сделать записи разговоров комсомольских чиновников в своём кругу в банях и на других посиделках. Комсомольских чинуш выгнать из властных структур и закрыть им доступ к кормушке. Разве что найдутся действительно верные СССР идейные и порядочные люди без гнили, но тут надо проверять и перепроверять.

Никакой катастрофы в разгоне ВЛКСМ не будет. К примеру, в Венгрии и Польше свой комсомол разгоняли и создавали заново, и никаких проблем не возникло. А вместо ВЛКСМ создать несколько новых, конкурирующих организаций. Например, Федерация рабочей молодёжи, в которую будут входить молодые рабочие разных отраслей. Движение сельской молодёжи, тут тоже состав понятен. Союз учащейся молодёжи, состоящий из старшеклассников и студентов, Союз патриотической молодёжи — молодые военнослужащие, милиционеры и так далее. И во всех этих организациях упор должен делаться не на идеологические мероприятия для галочки вроде собраний и выступлений, на которых народ засыпает, а на военно-спортивно-патриотическую составляющую. Тогда и накачка соответствующей идеологией пойдёт без проблем.

Машеров обещал прочитать мой опус и позже, при очередной встрече, высказать своё мнение. Интересно, материться будет или отнесётся с пониманием?

С Месяцевым глава Белоруссии всё же помог решить вопрос, и уже на следующий день я переступил порог кабинета председателя Гостелерадио СССР. Тот так же обнадёжил, что в кратчайшие сроки ознакомится с идеями и предложениями протеже самого Машерова и отзвонится.

На этой неделе нашу семью посетила ещё одна небольшая радость. Заведующий магазином, где работала Валентина, тот самый Семён Палыч, отправился на пенсию. И начальство торго, недолго думая, мою Валю и пристроило на освободившуюся должность, вызвав у некоторых товарок, как рассказывала жена, чувство плохо скрываемой зависти. Мол, работает тут без году неделя, а уже в завмагах. Так ведь кандидат в члены КПСС, техникум окончила, ну и какие могут быть претензии?

Я обычно старался встречать супругу с работы, всё-таки на автомобиле приятнее ехать, чем на метро. Тем более что бензин в СССР стоил копейки. В этот раз она позвонила из своего нового рабочего кабинета и попросила встретить её в управлении, собрание коллектива было назначено на пять часов вечера. Значит, освободится она где-то ближе к шести.

— Данькузабери тогда из яслей, вместе за мной и заскочите, — сказала она, прежде

чем опустить трубку.

До Нового года оставалось чуть больше двух недель, и Москва уже светилась праздничными огнями. Данила, подпрыгивая на заднем сиденье, с восторгом комментировал увиденное за стеклом автомобиля. А вот и тот самый адрес, который мне по телефону назвала Валентина. Здесь я оказался впервые. Невзрачное с виду, стандартное четырехэтажное административное здание. На часах без четверти шесть, значит, Валя скоро должна появиться.

В ожидании её мы с сыном прогулялись рядом с машиной, покидались друг в друга снежками, хотя Данька метал свой снежок максимум на полтора метра, но и это доставляло ему удовольствие.

М-да, что-то собрание затягивается. Только через сорок минут наконец из распахнувшихся дверей повалила толпа прозаседавшихся. Среди них в неверном свете уличного фонаря я не без труда разглядел супругу. Она была одновременно и задумчивая, и серьёзная, и... даже не знаю. На лице этакая печать ответственности. Я уж было заволновался, но Валентина быстро развеяла мою тревогу.

— У нас сегодня профсоюзное собрание было, — сказала она, расцеловав Даньку и усевшись с ним на заднее сиденье «Волги». — Присутствовал председатель профкома торго.

— Международное положение обсуждали или путёвки делили? — поинтересовался я, поворачивая ключ зажигания.

— Куда же без международного положения?! — улыбнулась любимая. — Но сегодня народу поскучать не дали... Председатель профкома коллектив по новой со мной познакомил. Всё моё «тёмное» прошлое раскрыл. И про «Миллион алых роз», и про другие мои творческие победы. А уж когда ещё и про мужа выдал... такое началось! Уж так нахваливали, так нахваливали...

— Народ всегда прав! Ты же у меня самая лучшая! Что, разве могут быть сомнения?

— Замучилась на вопросы отвечать. Не собрание по итогам квартала, а творческий вечер известной поэтессы и верного товарища, популярного писателя и композитора. Пришлось и о Янковском, и о Высоцком, и об Окуджаве рассказывать... Людям всё интересно... Ох... Вынуждена была даже признаться, что ты теперь в режиссуру пошёл.

— Ну а что ты хочешь?! Информации о творческих работниках сейчас в газетах нет, а людям же интересно...

— Смешно было, нашлись всё-таки дурочки со своими глупыми вопросами: «А в чём одет, да видела ли я Влади, а кого ещё?..» Им же кажется, мы на небесах живём!

— Нельзя сказать, что они совсем уж не правы. Согласись, со сколькими интересными людьми нам с тобой довелось познакомиться с тех пор, как в Москву переехали. Другие за всю жизнь такой возможности не имеют.

— Ну да, не поспоришь... И вот ещё что... Меня выбрали в профком торго. Буду отвечать за культмассовый сектор. Так что, муженёк, придётся тебе помогать жене делать карьеру общественницы. Заставили решить вопрос с выступлением для работников торго некоего Губернского. А то по Москве уже слухи о твоих концертах на заводах ходят, а работники советской торговли до сих пор не охвачены культурой. Вернее, охвачены, но, как мне заявили, не в том объёме, который открывается в свете новых перспектив. Так что, Серёженька, когда наш торг сможет лицезреть твою персону не в качестве водителя заведующей магазином, а на сцене, как положено писателю и композитору?

— Разве я могу отказать в такой малости целому трудовому коллективу, да ещё тому, в

котором трудится родная жена?! Назначайте время и место, товарищ работник профкома!

Мы рассмеялись и по дороге домой продолжили шуточную перепалку на тему, кто из нас двоих более важен для советской культуры.

Творческий вечер она мне устроила в пятницу 23 декабря. Конечно, работники торговли заметно отличались от заводчан. Там были люди в спецовках, и лицом, и характером попроще, а тут тебе и продавщицы, и товароведы, и руководящий состав — все постарались приодеться чуть ли не как для похода в Большой театр. Причём не только женщины, мужчины тоже выглядели вполне достойно. С другой стороны, и мне приятно, если ради меня люди так вырядились.

Сына мы, в который уже раз, оставили на старшую сестру. Валя сидела в первом ряду, глаза её блестели, на щеках играл румянец, разве что улыбки не хватало от уха до уха. Она тоже приделась, нацепила на себя какие-то побрякушки. Что делать, женщины — народ своеобразный, любят себя подать в выгодном свете.

Программа для этого творческого вечера была подготовлена примерно такая же, как и для рабочих «Москабеля». Только некоторые песни я заменил на более привычные уху рядового советского гражданина. Пожертвовал вещами «ДДТ» и «Чайф». Наступив на горло собственной песне, решил исполнить в финале для преимущественно дамского коллектива «Всё для тебя» из репертуара Стасика Михайлова. Этот исполнитель и его песни всегда вызывали у меня желание постебаться. Но ещё в той реальности жена как-то докопалась, мол, выучи песню, сыграешь мне на день рождения, пусть гости узнают, как ты меня любишь. Причём именно эту вещь. Так и пришлось, скрипя зубами, разучивать аккорды. А сейчас она пришлась как раз кстати. Пел я, то и дело косясь на Валентину, отчего она краснела ещё больше. В итоге публика потребовала исполнить «Всё для тебя» на бис, уже подпевая со мной хором. В какой-то момент мне даже подумалось, что песня и впрямь неплохая, вон как у бабёнок глазки заблестели, вон как раздухарились работники торговли. Мужчины, впрочем, тоже не отставали, и хлопали в такт, и подпевали, видно, им тоже пришлось по душе незамысловатый текст и мелодия шансона.

В общем, покидали мы с Валентиной актовый зал столичного управления Продторга в зените славы. Ей как-никак тоже досталась частичка моего успеха.

Также я продолжал корпеть над продолжением походов Фандорина в Пензе XIX века. В другой реальности Акунин-Чхартишвили как-то обошёл провинциальный городок своим вниманием, а я вот решил ещё разочек прославить столицу Сурского края. Не знаю уж, как там в будущем будет, засверкают ли в этой реальности звёзды Сергея Пенкина, Тимура Керимова, Павла Воли и Антона Макарского, но пока именно я прикладываю свою руку к тому, чтобы о Пензе лишний раз узнала вся страна.

30 декабря, по моим внутренним ощущениям, была написана уже половина книги. Очередную главу закончил описанием визита Фандорина к пензенскому губернатору.

«Генерал-майор, князь Пётр Дмитриевич Святополк-Мирский, вот уже второй год исполнявший обязанности губернатора, держал в руках свежий номер „Пензенских губернских ведомостей“. На второй полосе в колонке происшествий его внимание привлекла заметка под заголовком: „Очередная таинственная смерть“.

„Вчера в своём доме на Лекарской улице был найден мёртвым управляющий Крестьянского поземельного банка г. Максим Райхельгауз. Прибывшему на место происшествия корреспонденту «Ведомостей» судебный следователь г. Красовецкий рассказал, что г. Райхельгауза обнаружила пришедшая утром экономка, с которой уже были

проведены первые следственные действия. По первому впечатлению у г. Райхельгауза, сидевшего в кресле за изучением банковских векселей, случился апоплексический удар, однако гримаса ужаса, застывшая на лице покойного, наводит на размышления. Более того, из глаз усопшего перед смертью, либо даже во время оной, текли настоящей кровавые слёзы, чему свидетельством засохшие бурые потёки от нижних век к подбородку. К сожалению, ничего более существенного нам пока выяснить не удалось. Вероятно, что-то прояснится после вскрытия тела.

Напомним, что буквально три недели тому назад похожий пассаж случился с управляющим приказа общественного призрения, коллежским советником и потомственным дворянином Петром Михайловичем Свищевым. Он также был обнаружен в своём рабочем кабинете с признаками апоплексического удара и следами вытекшей из глаз крови. При вскрытии же выяснилось, что мозговое вещество превратилось в настоящую кашу, что привело судебного прозектора в недоумение. По его словам, такого в его практике доселе не случалось. И вот новая загадочная смерть. Любопытно, что оба — и г. Свищев, и г. Райхельгауз — являлись членами закрытого клуба, по слухам, едва ли не масонского. Как бы там ни было, «Ведомости» будут держать своих читателей в курсе происходящих событий”.

Да, только этого не хватало, подумал генерал-майор, закрывая газету. Тихий провинциальный городок уже после смерти Свищева был взбудоражен, а теперь, чего доброго, из Петербурга пришлют ревизора. Ещё и раскопает что-нибудь не по делу. Городок-то тихий, а под личиной безмятежности такие дела воротятся... Те же масоны запустили свои щупальца везде, где только можно.

Раздался деликатный стук в дверь, после чего на пороге появился секретарь-адъютант Гребешков.

— Пётр Дмитриевич, к вам посетитель. Некий Эраст Петрович Фандорин. Был записан на три часа пополудни.

— Раз записан, пускай входит, — буркнул губернатор, бросив мимолётный взгляд на стоявшие в углу большие напольные часы с маятником. Действительно, ровно три пополудни.

Гребешков посторонился, и порог кабинета переступил мужчина приятной внешности, лет тридцати пяти, выше среднего роста, отличительной особенностью которого были седые виски при абсолютно чёрной шевелюре.

— Позвольте п-представиться, чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе, статский советник Эраст Петрович Фандорин, — чуть заикаясь, с лёгким поклоном представился посетитель.

Фандорин почти не соврал. Он действительно когда-то был чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе, сначала при Долгоруком, а после при великом князе Симеоне Александровиче. Однако вот уже несколько лет, как Эраст Петрович был предоставлен самому себе, впрочем, периодически берясь за выполнение частных поручений.

— Присаживайтесь, господин Фандорин, и попрошу без чинов. — Святополк-Мирский был явно взволнован, но при этом держал лицо. — Что привело в наши палестины чиновника из Первопрестольной?

— Видите ли, ваше сиятельство, я здесь не по казённому п-поручению, а исключительно в личных интересах. Хотя назвать их личными тоже затруднительно, так как речь идёт о заговоре российского масштаба.

— У нас, в маленькой, Богом забытой Пензе?! Заговор?

— Да, у вас, Пётр Дмитриевич. — Голос визитёра стал жёстче, как и взгляд голубых глаз. — И вы несёте за это самую прямую ответственность.

— Извольте объясниться, господин Фандорин, — багровея, выдавил светлейший князь.

— Что ж, именно это я и собирался сделать.

Эраст Петрович откинулся на спинку стула, заложил ногу за ногу и начал обличительную речь».

Ну а что, пока интересно получается, да и «тапков» с «роялями» особо не видать. Надеюсь, муза, что нашёптывала Григорию Шалвовичу, на меня не в обиде.

Николай Николаевич Месяцев отзвонился мне 3 января. На изучение и осмысление моей рукописи у него ушло чуть больше двух недель, хотя наверняка ему было чем заняться в это время и кроме чтения моих виршей. Сказал, что материал я ему предоставил любопытный, и поинтересовался, не из-за этой ли рукописи в своё время слёг в больницу его сменщик и предшественник в одном лице. Пришлось сознаваться, добавив, что материал отредактирован, в том числе в него внесены и некоторые пожелания Сергея Георгиевича, дай Бог ему крепкого здоровья и долгих лет жизни. Месяцев хмыкнул и сказал, что попробует для начала кое-что из моих прожектов реализовать на ТВ.

А в середине января Андрей Львович, мой куратор из Министерства культуры СССР, сообщил, что достигнута договорённость с коллегами из Венгрии о сроках гастролей группы «Аурога» и певицы Инги Чарской. Тур должен продлиться с 1 по 18 марта. Мне, как художественному руководителю коллектива, нужно подъехать в министерство и расписаться в кое-каких документах. Что касается загранпаспортов, то выяснилось, что таковой имеется только у Мелик-Пашаева, всем остальным, включая и меня, предстояло озаботиться этим вопросом. Весть о том, что я тоже войду в состав делегации, меня взбодрила. Всё же какая-никакая заграница. Тут же вспомнилась поговорка этих лет: «Курица — не птица, Болгария — не заграница». То же самое в принципе можно сказать и о Венгрии, но всё же хотелось верить, что там нас ждут яркие впечатления и знакомства с интересными людьми.

А вообще я мечтал, что настанет время, когда уже в СССР люди со всего мира будут ехать за новыми впечатлениями. Ведь многие иностранцы на полном серьёзе уверены, что в России круглый год лежит снег, а по улицам бродят медведи и пьяные мужики в тулупах, валенках и с гармошками. Что поделать, нет у нас мировых туристических курортов, пляжами Чёрного моря вряд ли их удивишь. А вот, к примеру, устроить фолк-туризм — легко! Пусть поживут с месячишко в старинной избе, попарятся в русской баньке, отведают наших блинов... так уж и быть, с икрой, но за отдельную плату. А при желании можно организовать и пляшущего медведя с балалайкой, и хороводы баб в кокошниках. Пусть иностранцы учатся косить траву, колоть дрова и топить печь. Или показать заграничным гостям красоты Байкала, устроить рыбалку на омуля и охотничий тур по сибирской тайге...

В будущем между Россией и Германией существовал проект, согласно которому трудных немецких подростков «ссылали» в Сибирь. Те, прожив год в деревне в таёжной глуши, всё делая своими руками, возвращались шёлковыми и с массой впечатлений. Может, попробовать сейчас запустить подобный проект? Опять же, нам валюта будет не лишней, а у побывавших в Сибири подростков исчезнут антисоветские стереотипы, расскажут друзьям и родным, как там оно, в СССР на самом деле. В общем, надо как-нибудь продумать этот вопрос и упростить въезд иностранных граждан в СССР по туристическим визам. Правда, и чекистам забот прибавится, тут наверняка ведь и всякие агенты под видом туристов повалят.

Так, вернёмся к нашим баранам... то бишь к Инге Чарской, она ведь даже ещё не знает, что я пробил ей поездку в Венгрию. А вдруг откажется? Мол, это я-то — и на разогреве? Или вообще у неё запланированы гастролы по Союзу?

Набрав номер Анатолия Авдеевича, я узнал, что у Инги последний выездной концерт в этом сезоне 28 февраля, после чего они с мужем планировали взять отпуск и съездить в Прибалтику. Я предложил более интересный вариант, сказав, что в марте в Прибалтике ещё делать нечего, а вот Венгрия, где можно ещё раз заявить о себе как певице международного уровня, — самое то. Тем более и заплатят обещаю кое-какие деньжата.

Чарский обещал поговорить с дочерью и в тот же день перезвонил мне.

— Инга не против, несмотря на возражения мужа, она готова ехать в Венгрию. Кстати, загранпаспорт у неё уже имеется, она с ним ещё на прошлые международные фестивали ездила.

— Отлично!

— Я только вот что думаю... Ведь ваша группа исполняет тяжёлые вещи? Не слишком лёгко на её фоне репертуар Инги?

— Ну, у неё не такие уж и попсовенькие песни можно найти. Отобрать пяток вещей посерьёзнее, думаю, для первого отделения будет достаточно.

С загранпаспортами проблем не возникло, достаточно было принести в ОВИР справку из Министерства культуры. Предварительно я всё же созвонился с майором Метёлкиным, поинтересовался, не напрасно ли я хлопочу насчёт себя. А то паспорт оформлю, а после окажется, что мне не дадут разрешения на выезд.

— Не беспокойтесь, Сергей Андреевич, я еду вместе с вами, так что будете находиться под моим присмотром, — «утешил» меня комитетчик. — Тем более Венгрия входит в социалистическое содружество, вряд ли стоит опасаться каких-то провокаций. Если, конечно, у вас самого не возникнет желания начудить в самый неподходящий момент. Так что оформляйте документы и не забивайте себе голову ненужными мыслями. Хотя правильно сделали, что мне позвонили, лучше лишний раз посоветоваться с куратором, если возникают сомнения.

Купив во вторник свежий номер «Комсомолки», по привычке проглядел телепрограмму и, к своему немалому удивлению, увидел в субботнем расписании по второй программе передачу «Военная тайна». Забегая вперёд, скажу, что первый выпуск был посвящён секретному бункеру Гитлера на территории Белоруссии. Это что же получается, с моей подачи начинают постепенно запускать проекты? Интересно, что там дальше появится? КВН, «Голос» или «Смак»? Ладно, поживём — увидим.

Тем временем я добил-таки сурские похождения Фандорина, и книга под названием «Заложник чести» отправилась в издательство «Молодая гвардия», откуда мне периодически названивали с просьбой поторопиться. Читатели не переставали бомбардировать его письмами с требованием публикации очередной части приключений Эраста Фандорина. Знал бы Григорий Чхартишвили, как его творчество востребовано в этой эпохе, хотя и в той реальности, в XXI веке, он был нарасхват.

Неожиданно раздался звонок от главного редактора главной редакции кинопрограмм Валерия Корзина.

— Сергей Андреевич, я вас, надеюсь, не отвлеч ни от чего важного?

— Нет, Валерий Алексеевич, весь к вашим услугам.

— Видите ли, Николай Николаевич подкинул мне одну любопытную рукопись, вернее,

её часть, где рассказывается о проекте съёмок телесериала под рабочим названием «Заря новой жизни».

— Так это же мой проект!

— Вот-вот, поэтому я вам и звоню. Товарищ Месяцев заинтересовался сюжетом, но он дан слишком обобщённо. Не могли бы вы написать полноценный сценарий этого телесериала?

— То есть вы как бы даёте гарантию, что сериал будет запущен в производство, несмотря на то что практически все съёмки придётся проводить на Кубе?

— Сергей Андреевич, я пока просто передаю вам просьбу руководителя Гостелерадио, ну, вы меня понимаете...

Ещё бы, попробуй отказать чиновнику такого ранга, мигом попадешь в немилость, и о дальнейших проектах на ЦТ можно забыть. Так же как и о своём появлении в эфире телевидения, да и радио тоже. На «Песне-77» меня так и не оказалось, хотя той же Инге я написал за год несколько хитов. Так что, не вставая в позу, а, напротив, воодушевившись, я с энтузиазмом взялся за написание сценария. Тем более что меня особенно ничто не отвлекало. Книгу о Фандорине я уже сдал, до венгерских гастролей оставался почти месяц. Уж за это время, думаю, рожу что-нибудь приличное.

В итоге получился такой вариант... Дело происходит в 1970-х в некоей латиноамериканской стране, где правит проамериканская диктатура. Главный герой Хосе Сальгадо — бедный, но честный батрак, который борется против несправедливого отношения к работникам на плантациях. За это его преследуют власти и наёмные бандиты. Мария Варгас — единственная дочь и наследница богатого фазендейро. Однажды Хосе видит, как к его работодателю приезжают гости — богатый мужчина со своей дочерью-красавицей. Он сразу влюбляется в незнакомку, которая решила прогуляться вдоль реки, где её подстерегала пантера, затаившаяся в ветвях дерева. Но молодой человек вовремя замечает опасность и спасает девушку практически из лап хищника. Та тут же влюбляется в своего спасителя. Отношения между Хосе и Марией развиваются по нарастающей. Приходит момент, когда Мария говорит родителям о своём избраннике, с которым хотела бы связать свою судьбу. Естественно, семья Марии и слышать о подобном не хочет. Но девушка проявляет характер.

Тем временем подлый дядя главной героини Луис-Игнасио подстраивает гибель её родителей и, подделав с помощью подкупленного юриста завещание, прибирает к рукам наследство. А Марию хочет выдать за своего компаньона в грязных делах богатого гринго Джона Форбса.

Дальше множество переживаний, приключений, опасностей... Сначала побег, влюбленные скрываются от дядиных бандитов и продажных властей и знакомятся с подпольщиками-социалистами, которые им помогают. Затем беременность главной героини, появление на свет ребёнка, похищение одного людьми подлого дяди, поиски младенца... В общем, всё, как и положено в мыльной опере. И когда Хосе и Мария наконец находят ребёнка, их захватывает шайка бандитов и коррумпированных полицаев во главе с подлым дядей и его компаньоном, тем самым гринго. Они готовы расправиться с Хосе и Марией и даже обсуждают, не отправить ли на тот свет и сына влюблённой парочки, но тут появляется отряд красных партизан, коих в 70-х в Латинской Америке было пруд пруди, убивает бандитов, полицаев и гринго, а главный герой уничтожает в рукопашной схватке Луиса-Игнасио. Хеппи-энд, главная героиня раздаёт землю батракам, а на унаследованные деньги

покупает оружие, и вместе с Хосе уходит в партизаны бороться против власти таких подонков, как её дядя и его компаньон-гринго.

Финальные кадры: Хосе с автоматом Калашникова и Мария с младенцем в переноске идут по горной тропе под песню кубинского композитора Карлоса Пуэблы «Hasta Siempre Comandante». «Смотри, любимая, это заря новой жизни, — говорит Хосе, показывая рукой на поднимающееся над горизонтом солнце. — Мы добьёмся того, чтобы наш малыш жил в ней!» И дальше камера уходит вверх, показывая картинку панорамы гор, заросших лесом, с разгорающейся в небе зарёй.

Сценарий был готов за три дня до отъезда в Венгрию. Я отнёс его Корзину, а уже на следующий день Валерий Алексеевич мне позвонил и довольным голосом сообщил:

— Сергей Андреевич, я ваш сценарий буквально проглотил за один вечер. Уверен, лента будет иметь успех у наших телезрителей. Осталось только завизировать сценарий у товарища Месяцева. А дальше в дело вступит Борис Михайлович.

— А что за Борис Михайлович?

— Борис Михайлович Хессин — директор творческого объединения «Экран». Они снимают фильмы по нашему заказу. Но думаю, здесь придётся привлекать и кубинских кинематографистов, во всяком случае, большинство актёров должны иметь характерную латиноамериканскую внешность. Разве что того самого американского гринго мог бы сыграть наш актёр.

— Есть кандидатура на примете?

— Да вот сам с собой наедине порассуждал, подумал, может, удалось бы уговорить Игоря Дмитриева?..

— Не слишком мягковат для такой роли? Да, внешность, манеры аристократические, но, мне кажется, не хватает в нём, как бы сказать, мерзости. Я когда писал, думал сначала о Янковском, но решил, что для моего героя он всё же слишком молодо выглядит. А потом посмотрел недавно вышедший фильм «Служебный роман» и понял, что роль гринго написана будто для Олега Басилашвили.

— Хм, а что, действительно, можно попробовать Олега Валериановича. Тут, правда, режиссёр ещё должен своё слово сказать, может, у него своё видение актёра. Да и товарищ Месяцев пока резолюцию не наложил. Но я учту ваше мнение.

— Послушайте, Валерий Алексеевич... А если мне самому сесть в кресло режиссёра?

— Но у вас же нет специального образования.

— Так я ведь учусь на Высших режиссёрских курсах, у самого Эльдара Рязанова. Да и, если помните, во время съёмок «Марсианина» частенько бывал на съёмочной площадке, так что меня трудно удивить какими-то нюансами режиссёрской работы.

— Не знаю, не знаю... Если Николай Николаевич сценарий утвердит, я попробую поговорить с Хессиным, но заранее не тешьте себя надеждой.

— Спасибо, Валерий Алексеевич, заранее вам благодарен. А когда можно будет узнать об окончательной судьбе сценария?

— Сегодня отдам его своему непосредственному руководителю, всё зависит от того, как быстро товарищ Месяцев прочитает сценарий.

Ну здравствуй, Венгрия! Здравствуй, светлый город Будапешт! Здравствуй, самая весёлая казарма коммунистического лагеря!

Мы один за другим спустились с трапа самолёта, замыкающим шёл майор Метёлкин. Яркое светило солнце, за территорией аэропорта «Ферихедь» уже всю зеленели деревья, и сразу стало душно, так что я стянул с себя куртку. В руке я нёс обтянутый натуральной кожей дипломат. На покупку его меня уговорил всё тот же Виктор Валентинович, заявив на одной из наших последних встреч, что с потёртой сумкой через плечо я выгляжу несолидно. А в братской стране встречают и по одежке тоже. Он хотел заставить меня нацепить ещё и костюм, но тут я уже упёрся, мол, я всё-таки художественный руководитель рок-группы, а не какой-нибудь чиновник. Помимо дипломата я, естественно, захватил и чемодан с необходимыми вещами, который получил после прилёта вместе с багажом своих музыкантов.

Наши гастроли начинались и заканчивались концертами в столице Венгрии. Между этими двумя выступлениями должны были пройти шоу в таких городах, как Дебрецен, Дьер, Сегед, Печ, и... Ну куда же без Бекешчабы — побратима Пензы?! Куда ни плюнь, как говорится.

Встречал нас представитель венгерского министерства культуры, звали его Иштван Надь. Невысокий, лет за сорок, с брюшком и залысиной, при разговоре неистово жестикулировал. Он более-менее сносно говорил по-русски, оказалось, учился когда-то в Московском государственном институте культуры. Заявил, что будет нашим куратором на протяжении всех гастролей. И постоянно косился на нашу длинноногую красотку Ингу Чарскую, которая конечно же чувствовала на себе плотоядный взгляд мадьяра, но делала вид, что её больше интересует окружающая обстановка за окном выделенного нам автобуса.

Кстати, ещё нам придали местного оператора, сказали, что он будет снимать документальный фильм о визите группы «Aurora» в Венгрию. Позже его покажут по венгерскому телевидению. Гляди-ка, какой чести мы удостоились!

Всю нашу делегацию поселили в небольшом уютном отеле «Hid», название которого переводилось как «Мост». Инга разместилась на пару со своей костюмершей, меня поселили с майором, Мелик-Пашаева с Гансом, Кроля с Азаровым, а Ордановского с Блиновым. Пока распаковали вещи, помылись после перелёта, привели себя в порядок — настало время ужина.

Наш провожатый предложил вместо ресторанчика при отеле посетить находящееся неподалёку заведение под названием «Borbirosag». Ресторан предлагал классическую венгерскую кухню и большой выбор вин. Майор Метёлкин с таким подозрением рассматривал карту вин на венгерском языке, словно ему попал в руки зашифрованный документ от перевербованного агента ЦРУ. Естественно, пришлось вступать в дело нашему венгерскому куратору, озвучившему названия напитков, после чего мы смогли выбрать что-то по вкусу.

— Я думаю, ввиду завтрашнего концерта, не стоит злоупотреблять, и нам на всех хватит пары бутылок вина, — мягко, но с нажимом произнёс «второй администратор», обведя нас многозначительным взглядом.

— Так что тогда по бутылочке белого токайского и красного «Балатон Боглари Трамини»? — подытожил Надь. — Инга, Виктория, вы как, предпочитаете красное?

— Мы вообще-то не пьём, — кинула взгляд на костюмершу Инга, — но за компанию можем пригубить.

Не успели насладиться первым бокалом, как нарисовался какой-то хрен. Кое-как поняли, что это немецкий турист Вольфганг Шюрле родом из Баварии. Услышал русскую речь и тут же решил познакомиться. Выяснилось, что его отец воевал на Восточном фронте, был взят в плен под Сталинградом и вернулся в родную Баварию только после смерти Сталина. Успел научить сына кое-каким русским словам. Вольфганг с удовольствием выговаривал «мать твою», «карашо» и «пажалуста». Тут уж и наш Ганс подключился к разговору. Когда Шюрле узнал, что звукорежиссёр — потомок обрусевших немцев, а его отец строил Беломорканал, то Ганс тут же стал лучшим другом нашего нового знакомого. На всё это майор Метёлкин взирал с плохо скрываемым подозрением. Впрочем, я его понимал. Учитывая, что Ганс Вольфович кое-как балакал на немецком, а чекист этим языком не владел, можно было предположить всякое. Вдруг они тут дурачками прикидываются, а на самом деле этот Вольфганг работает на западногерманскую разведку и сейчас элементарно вербует нашего Клинке... Ну а что, работа у него такая — бдеть всегда и везде.

Вскоре немчура принялся уговаривать Ингу на тур вальса, благо примостившийся в уголке ансамбль стал наигрывать что-то медленное. Инга покосилась на Метёлкина. Тот со вздохом чуть заметно кивнул, и девушка отправилась вальсировать. Признаться, у неё это неплохо получалось, да и кавалер оказался под стать.

Надъ, глядя на танцующих, выглядел таким несчастным, словно у него только что увели кошелёк. Но вряд ли этому пузатенькому мадьяру что-то светило, тем более что Инга была замужней женщиной. А потому и немец, кроме тура вальса, не мог рассчитывать на что-то большее. В итоге Иштван в жесте отчаяния пригласил на танец Вику — молодую и в общем-то вполне симпатичную женщину.

На следующий день с самого утра поехали знакомиться с концертным залом «Вигадо». Нашим ребятам предстояло играть на сцене, с которой в своё время радовали музыкальными экзерсисами публику не кто-нибудь, а великие Лист, Вагнер и Брамс. Красивейшее здание постройки XIX века, восстановленное после войны, с афишами группы «Aurora» и Инги Чарской у входа, потрясающая акустика, большой зал... Всё это произвело на нас неизгладимое впечатление. За несколько часов до вечернего выступления парни занялись настройкой аппаратуры, а мы с майором Метёлкиным решили прошвырнуться по мартовскому Будапешту, намного раньше Москвы проснувшись от зимней спячки. Впрочем, тут и зимы-то, похоже, не бывает, какая-нибудь слякоть, как у нас осень.

Сразу за «Вигадо» находилась площадь Верешмарти, названная в честь венгерского поэта Михая Верешмарти, памятник которому высился здесь же в окружении платанов. Не смогли пройти мимо старинной кондитерской «Жербо», не отведав там изумительное по вкусу мороженое. Глядя на облизывающего рожок Метёлкина, я подумал, что майор хоть на человека стал похож, а то ведь то и дело подозрительно зыркал по сторонам, словно видел в каждом встречном агента иностранных спецслужб.

Осматривая центр, мы заглядывали в местные магазины, как продовольственные, так и промтоварные. По сравнению с советскими гражданами мадьяры имели не в пример больший выбор. Те же джинсы продавались по вполне божеской цене, и никакой давки за ними не было. Когда я сказал об этом Метёлкину, тот нахмурился:

— Джинсы — это идеологическое оружие Запада, призванное развратить советскую молодёжь.

Я не стал вступать в дискуссию. Предлагать тратить на покупки валюту, которую нам обменяли в мизерном количестве, тоже не решился. Я-то не бедствовал, и в Москве что нужно мог достать по своим каналам, а майору, вероятно, претили его нравственные принципы. Или просто было жалко форинтов.

За два часа до начала концерта возле «Вигадо» стали собираться венгерские поклонники рока. Я с удивлением обнаружил парочку спекулянтов. Ну да, все же билеты были распроданы, причём ещё за неделю, и среди покупателей оказались и почувствовавшие приближение ажиотажа любители подзаработать. Тут же продавались и плакаты с фото группы, сделанным в Москве для венгерских афиш. О плакатах тогда речь не шла, но гляди ж ты, и тут подсуетились.

К началу шоу зал был набит битком. В основном молодёжь, но хватало и людей постарше. Подъехала даже какая-то банда пузатых и бородатых рокеров, чьи чопперы, среди которых я заметил даже один «Харлей-Дэвидсон», встали рядком на стоянке у концертного зала. М-да, либеральные тут нравы, в СССР подобное в корне было невозможно. Правда, венгерские рокеры не отличались буйным нравом, в отличие от киношных. Во всяком случае, в зал они прошли культурно, по билетам, не поднимая лишнего шума и привлекая внимание разве что немного необычным внешним видом — кожанками и цепями.

Ну что сказать о самом концерте... Зал бился в экстазе — это я увидел, выглянув из-за кулис в разгар выступления своих музыкантов. Заключительную песню «The Final Countdown» пришлось исполнять на бис, но и после того, как ребята оказались в гримёрке, зал продолжал скандировать «Auroга!» «Auroга!».. Инге, певшей на разогреве, тоже рукоплескали, хотя пару раз во время её выступления кто-то из зала всё же выкрикнул название рок-группы, требуя ускорить процесс появления на сцене кумиров.

К слову, буквально за неделю до отъезда в Венгрию я презентовал Чарской хит будущего «Плачь обо мне» из репертуара Евгении Власовой. Песня неплохая. Не голимая попса, как принято говорить, но всё равно непонятно, как она в своё время затесалась в память моего телефона, а оттуда уже перекочевала на аудиокассету. Шлягер пришёлся ко двору. Но особенно публике пришлось по вкусу исполнение венгерской народной песни «Журавли улетают», естественно, на языке мадяров. Это уже была инициатива самой Инги и её отца, пожелавших сделать приятное местной публике. И действительно, народу понравилось, именно после этой вещи Инге досталось больше всего аплодисментов.

Светившийся от счастья Иштван Надь потирал руки, видимо предчувствуя неплохие премиальные от начальства.

Переезд в Дьер состоялся этой же ночью на специально приданном нам автобусе. По прибытии половину следующего дня все отсыпались, после чего отправились на концертную площадку настраивать аппаратуру. И здесь всё прошло как по маслу. Затем последовали Дебрецен, Бекешчаба, Секеч и Печ. И вновь Будапешт, заключительное выступление тура.

За время нашего венгерского турне случилось всего одно недоразумение, когда в отеле Бекешчабы у Ордановского прямо из номера спёрли гитару. Отлучился пообедать, а окно по случаю явно не мартовской жары оставил приоткрытым, понадеялся, что на второй этаж воры не заберутся. Ага, как же...

До концерта оставалось около трёх часов, и понятно, что ребята находились в шоке. Жора вообще готов был забиться в истерике. К счастью, вызванные сразу же милиционеры по горячим следам оперативно поймали преступника, он у них уже значился в картотеке как «отельный вор». Причём вор со странными наклонностями, поскольку деньги никогда не

брал, только какие-то предметы. Что-то продавал, а что-то оставлял себе на память. Похоже, товарищ не очень дружил с головой, однако при этом, как нам объяснили, обладал кошачьей ловкостью, что и позволяло ему легко преодолевать заборы и стены. А тут ещё и водосточная труба проходила рядом с окном номера Ордановского. Жора тут же принялся осматривать инструмент на предмет повреждений и с облегчением констатировал, что всё в порядке. А затем мы рванули в местный театр, поскольку до начала шоу оставалось около тридцати минут. М-дя, «отличился» побратим Пензы, ничего не скажешь...

Короче, если не считать этого досадного происшествия, то в целом всё прошло на высшем уровне. Поставили Венгрию, что называется, на уши. Ещё и выступили на венгерском телевидении. Перед заключительным концертом нас пригласили в какую-то музыкальную программу, где нам пришлось отвечать на вопросы симпатичной ведущей. А затем рокеров и Ингу попросили исполнить по одной песне в небольшом зале со сценкой посередине и с окружившими её молодыми людьми. Мне это напомнило виденную в глубоком детстве программу «Музыкальный ринг». Только там сцена была квадратная, а здесь круглая.

А закончились гастроли банкетом с участием какой-то шишки из венгерского правительства, чьё имя после обоюдного представления друг другу я тут же благополучно забыл. И этот старпёр запал на Ингу, причём был так настойчив в своих ухаживаниях, что тут уж не только Метёлкин, но и я всерьёз заволновался. Тут ещё сама Чарская начала строить ухажёру глазки, и мы, переглянувшись с майором, решили откланяться всей компанией от греха подальше.

Когда наконец мы все уселись в лайнер, следующий рейсом Будапешт — Москва, майор Метёлкин выдохнул с облегчением:

— Фух, отмучались, теперь домой. Все нервы в поездке оставил.

— А представьте, отправились бы мы на гастроли в Соединенные Штаты, — подколот я сидевшего рядом комитетчика.

— Типун вам на язык, Сергей Андреевич, с меня и Венгрии хватило.

— Нет, позвольте, Виктор Валентинович, а как же планы по покорению западного слушателя? Венгрия — это так, разминка, — продолжал я стебать майора.

— До Штатов и прочих западных слушателей ещё дожить нужно... Товарищ стюардесса, можно вас? У вас леденцов нет никаких? Да, такие стодятся, спасибо, а то что-то укачивает меня иногда в самолётах.

Как же я соскучился по своим родным! Закрутил Валюшку в объятиях, затискал визжащего от радости сына, а потом принялся выкладывать из чемодана гостинцы. В последний день пребывания в Будапеште решил избавиться от оставшихся форинтов и на пару с Мелик-Пашаевым устроил небольшой чёс по магазинам, сумев чудом отбрызнуть рвавшегося с нами Метёлкина.

На следующий день с утра помчался на режиссёрские курсы, навёрстывать упущенное. Рязанов встретил меня с улыбкой:

— Ну как там, в Венгрии, Сергей Андреевич, новых революций затевать не собираются?

— Всё нормально, Эльдар Александрович, венгры буянили только на наших концертах.

— А тут мне Месяцев лично звонил, непонятно с какой целью интересовался вашими успехами на ниве учёбы.

— А я, кажется, догадываюсь... И что вы сказали, если не секрет?

— Сказал, что ученик вы прилежный, не без божьей искры, что со временем из вас

может получиться неплохой режиссёр.

— А он?

— А что он... Поблагодарил и попрощался. Рассказывайте, Сергей Андреевич, что он задумал?

Пришлось признаваться, что звонок председателя Гостелерадио СССР был связан, скорее всего, с моим сценарием и предложением своей кандидатуры на пост режиссёра сериала.

— Ого, высоко взлетаете! — прокомментировал Рязанов.

— Да уж, не упасть бы, а то ведь чем выше взлетишь, тем больше падать. И соломку не подстелишь. Но это, повторюсь, мои предположения, не более того. Мало ли, что там на самом деле на уме у Месяцева.

На Москву тем временем навалилась эпидемия гриппа. Вроде весна в самом разгаре, страна со дня на день отпразднует День космонавтики, в связи с чем меня, кстати, как автора «Марсианина», попросили выступить в Звёздном городке, а тут на тебе! Как-то сама собой пришла в голову мысль... А ну как Данька получил от меня по наследству тот самый ген, благодаря которому ни я не болел в этом времени, ни он? Интересно было бы его кровь взять на анализы. Правда, тут же себя осадил: что я, вивисектор, что ли, какой, ребёнку боль доставлять ради подтверждения своей догадки?! Валя-то, вон, периодически, случается, то раскашляется, то расчихается, на неё, похоже, мой иммунитет не перекинулся, хотя половые контакты случаются регулярно. Со временем посмотрим. Если Даниил ни разу не простудится и ничем другим не заболеет, значит, наследственность сработала.

Поездка в Звёздный городок принесла немало новых знакомств и впечатлений. Выступление перед космонавтами и сотрудниками городка прошло, как принято было говорить в это время, в дружеской и непринуждённой обстановке. Помимо рассказа о том, как писалась книга (вот было бы прикольно рассказать, как я переписывал её с «ридера») и снимался одноимённый фильм, для разнообразия исполнил несколько песен под гитару.

Чтобы потрафить местным, спел не очень известную в будущем вещь из репертуара Потани «Любовь внеземная, или Фантазия в стиле футуристического фолка». Народу понравилось, все смеялись. Решив хулиганить до конца, спел «Таких не берут в космонавты» из репертуара группы «Манго-Манго», благо текст с лёгким стёбом и без всяких политических выпендрёжей. Публика вновь была в восторге, люди подходили после моего выступления и просили переписать им слова и аккорды. Ну и по просьбе спел «Траву у дома», раз уж она прозвучала в фильме «Марсианин».

Творческим вечером это назвать было нельзя, потому что выступал я в городке субботним днём. Потому и домой на неизменной «Волге» отправился рано, не было ещё трёх часов. Проезжая деревеньку под названием Орловка, решил остановиться у старой, ветхой церквушки. На неё я обратил внимание ещё по пути в Звёздный городок. Дело в том, что в последнее время я неожиданно даже для самого себя увлёкся фотографированием старых храмов и церквей. Не то чтобы я ощущал себя таким уж набожным человеком, просто завораживала красота этих древних строений, отмеченных печатью времени, переживших войны, царей и революцию. Дома у меня уже накопилась неплохая коллекция цветных и чёрно-белых снимков, из которых можно было устраивать выставку под названием типа «Православная Русь». Поэтому, выбираясь за город, особенно когда предстояло ехать в места, где я не бывал раньше, захватывал неизменную «практику», вот уже не первый год служившую мне верой и правдой.

При ближайшем рассмотрении храм Господень выглядел не таким уж и заброшенным, а высокие, обитые металлом двери были заперты. Оказалось, здесь даже вели службы, о чём поведала встреченная возле церкви старушка.

— Это у нас храм Святых первоверховных апостолов Петра и Павла, ему уже лет двести поди. А батюшка наш, протоиерей отец Александр, во-он там живёт, вместе с матушкой своей и двумя детишками, — показала бабулька на стоявший метрах в ста от церкви домик с изгородью, выкрашенной в голубой цвет.

Во дворе дома я заметил какое-то движение. Подумал, можно подойти, попросить отворить церквушку, чтобы сделать несколько снимков внутри, а заодно поспрашивать батюшку, как тут вообще жизнь в глуши протекает, как с верующими дело обстоит, словом, вытащить из него информацию для своего общего развития. Сделал несколько снимков храма снаружи и отправился к указанному бабулей дому.

Подойдя поближе, увидел, как раздетый по пояс жилистый бородач, на вид чуть моложе меня, рубит поленья. На апрельском солнышке, видать, да в работе припекало, вот и демонстрировал свой поджарый торс. С топором он управлялся ловко, одного удара хватало, чтобы полено расщепилось пополам.

— Бог в помощь, — поприветствовал я трудягу. — Вы, наверное, отец Александр?

— Во славу Божию, — ответил тот, приостановив процесс колки дров. — Да, он самый, отец Александр. А вас как нарекли? Сергей? Богоугодное имя, все мы помним Сергия Радонежского, святого веры православной. Что вас привело сюда? Радость или беда, а может, грех любопытства?

— Хм, да вот, увлечение у меня такое — фотографирую старые церкви.

— Дело благое, а фотографируете для себя или где-то публиковать собираетесь?

— Пока для себя, а там, глядишь, может, и выставку устрою. Или издам альманах-путеводитель для любителей церковной старины.

— Дорого, наверное, альманах-то встанет... Да ещё разрешат ли? В СССР церковь на положении, извиняюсь, приживалки.

«Э, батюшка, это ты ещё не знаешь, что в будущем страну ждёт, как патриарх рядом с президентом стоять будет на всех праздниках, как светских, так и церковных. Хотя, поскольку что-то уже начинает меняться, ещё неизвестно, как оно там, в этой реальности, развиваться дальше будет».

— Ну, кто верует, тот всегда найдёт дорогу к Богу, — обнадѣжил я собеседника. — Я вас хотел попросить, если вас, конечно, не затруднит, открыть храм, чтобы я мог и внутри сделать несколько снимков.

— Отчего же, ради богоугодного дела можно и открыть. Только прежде пойдѣмте в дом, потрапезничаем, жена как раз обед стотовила. Надеюсь, вы не очень торопитесь?

Я отказываться не стал. Зайдя в дом, скинул в сенях обувь, получив взамен вязаные тапочки сиреневого цвета. Матушка Ольга оказалась вполне ещё молодой женщиной, однако же без тени косметики на лице, что, впрочем, было вполне объяснимо для супруги духовного лица. Гостью вроде даже не удивилась, молча расставила на столе приборы на двоих.

— А вы что же? — спросил я Ольгу.

— Она с детьми уже отобедала, — сказал отец Александр. — Это я вот с дровами задержался. Газ нам, видно, ещё не скоро проведут, в райцентре всё обещаниями кормят, приходится пока дровами запасаться.

Обед состоял из ушицы и пшѣнной каши с изюмом, что меня ввергло в лёгкое

недоумение. Увидев моё озадаченное выражение, которое я пытался всё же как-то скрыть, батюшка пояснил:

— Не обессудьте, Великий пост идёт, так что с разносолами придётся повременить. Вы-то, наверное, не поститесь? Вот и зря, пост не только душу, но и тело очищает.

Суп оказался неожиданно вкусным, особенно со свежим, словно только что из печки, хлебом. Оба попросили добавки. Трапезничали неторопясь, и вскоре во мне зародилось такое чувство, будто знаю я отца Александра давным-давно, сколько себя помню. Как-то незаметно я поведал свою историю, естественно, без упоминания моего хронопрыжка, выдав официальную версию. Отец Александр, несмотря на уже озвученный им грех любопытства, живо интересовался некоторыми моментами моей биографии. В свою очередь, уже за чаем с сухарями, рассказал о себе. Выяснилось, что батюшка когда-то рос обычным архангельским парнем, хоть и крещёным, но никогда не помышлявшим о службе Богу. Закончил рыболовецкий техникум, в армии служил в морской пехоте, а после дембеля устроился на траулер, ловил рыбу. Но семь лет тому назад судно, отправившись на промысел в Норвежское море, угодило в шторм.

— Траулер ещё довоенной постройки, и в какой-то момент обшивка не выдержала... Народ расселся по шлюпкам, нашу, в которой уместились восемь человек, сразу отнесло в сторону от остальных. Управлять шлюпкой не было никакой возможности. Четыре дня нас мотало по волнам без еды и воды. Понятия не имели, где мы вообще находимся. Один у нас был набожный, постоянно молился. Глядя на него, я тоже стал молитвы читать. А на четвёртый день дал себе зарок: если спасёмся, то я посвящу себя служению Господу. И на пятый день нас подобрал норвежский сейнер. Так что пришлось выполнять своё обещание.

— Сюда попали по распределению?

— Можно сказать и так, если выражаться светским языком. Мол, сможешь выжить в этой глуши — там, глядишь, приход и получше тебе отдадим. А мне и здесь хорошо! Кто как, а я привык руками работать. Помню, после семинарии напутствовавший меня отец Симеон ещё пошутил: «Дали тебе крест с кадилом — и крутись как хочешь». А что, так на самом деле и выходит. Паства у нас небогатая, а живём, можно сказать, практически на одни пожертвования. Хотя вот в последний год, как я тут разошёлся, народу прибавилось, видно, нравится людям, как я служу, что-то такое во мне разглядели. И я тут прижился: тихо, спокойно, есть время подумать и о Боге, и делах наших насущных... Ладно, потрапезничали — пора и честь знать, пойдёмте, открою вам двери святого дома.

Пока я фотографировал довольно скромное убранство храма, отец Александр стоял в стороне и наблюдал за мной с лёгкой улыбкой. Когда же я закончил, то, закрывая двери храма, как бы невзначай сказал:

— Вы вот говорили, что сын у вас подрастает... А он что же, Даниил ваш, некрещёный, получается?

— Получается так. Признаться, я и сам иногда подумываю, что не мешало бы парня окрестить.

— Так за чем же дело стало? Приезжайте на пасхальную неделю, самое подходящее время, проведём таинство крещения.

— Хм, что ж, спасибо за предложение, но я сначала с женой посоветуюсь.

— Конечно, я же не настаиваю, это дело добровольное. В общем, если надумаете насчёт чада вашего, не забудьте крёстную или крёстного захватить, иначе придётся их здесь искать. На такой случай тут у меня даже есть народ подготовленный, они уже не одному младенцу

крёстными приходится. — Белозубая улыбка разрезала кудрявую бороду батюшки.

По приезде домой я рассказал Вале о встрече с отцом Александром. Супруга, будучи новоиспечённым коммунистом (в партию её приняли как раз во время моих заграничных гастролей), на моё осторожное предложение крестить сына неожиданно ответила согласием. Но предупредила, чтобы таинство проходило и в самом деле в обстановке таинства, то бишь секретности. Иначе ей, только что вступившей в партию, влетит по первое число.

— И о крёстных надо подумать, — добавила она. — Зайди как-нибудь в храм, поспрошай или у батюшки, или у местных тётушек. Они всё знают. А потом уж и к твоему отцу Александру поедем.

В начале мая группу «Aurora» ждал настоящий подарок: ребятам вручили комплект навороченной аппаратуры, такой, что теперь они могли записывать в своей студии хоть целый оркестр. Даже на «Мелодии» могли бы позавидовать, не знаю уж, у кого в СССР было что-то подобное. Даже не стал спрашивать у своего куратора, сколько они валюты отвалили за это богатство. Понятно, что деньги огромные. Хотя, если сравнивать с суммой контракта за первый тираж пластинок... Ладно, лучше не забивать этим голову, на жизнь хватает, тем более что периодически я баловал то Чарскую, то уже порядком подзабытого Слободкина своими-чужими хитами. Например, подарил Павлу добрынинскую вещь «Не сыпь мне соль на рану», которая уже через месяц в хрипловатом исполнении Буйнова звучала чуть ли не из каждого утюга. Правда, помнил я только слова припева, а поскольку сочинять куплеты было откровенно лень, то предложил заняться этим Паше и его ребятам. Получилось более-менее прилично, хотя и пришлось записывать Слободкина в соавторы.

Что же касается нашей новой студии, то мы договорились с Мелик-Пашаевым, практически окончательно перебравшимся в Питер поближе к подопечным, что он может сдавать студию в аренду для желающих записаться. Но только по официальным договорам, без всякой самодеятельности, чтобы не получилось потом проблем с законом. Так ему и сказал: «Ованес, если узнаю, что левачишь, — сразу расстанемся».

Администратор группы поклялся, что все платежи будут проходить исключительно через кассу «Ленконцерта», естественно, с вычитанием на законных основаниях нашей доли. Кстати, новость о новой суперстудии в Ленинграде в мгновение ока облетела не только город на Неве. Поскольку практически все контакты были завязаны на меня, то вскоре мне пришлось отбиваться от обрушившихся на меня звонков как начинающих, так и маститых исполнителей. От той же «Машины времени» мне лично звонил Макаревич, умолявший выделить им студию на пару дней для записи первого полноценного альбома. В конце концов я стал перенаправлять всех к Мелик-Пашаеву, пусть Ованес крутится, отрабатывает свой немаленький оклад.

Мне же пришлось перетряхивать запас своих аудиокассет, чтобы наскрести с десяток композиций на второй альбом для группы «Aurora». Не успели мы вернуться из Венгрии, как прошла информация, что наш коллектив приглашают на гастроли уже и Чехословакия с Болгарией, и даже ФРГ. С соцстранами, думаю, вопрос решится положительно, с Западной Германией — ещё непонятно как, хотя в принципе группа и задумывалась, по мысли наших кураторов, как оружие идеологической диверсии. Понимая, что долго с одним репертуаром не покатаешься, я и принялся скрести по сусекам. Наскрести-то наскрёб, на второй альбом хватит материала, а вот для третьего, похоже, придётся напрягать память и вспоминать другие, ещё ненаписанные вещи подобного жанра. Кстати, можно попробовать дать Ордановскому исполнить «The Show Must Go On», может, и вытянет своим голосищем. Из песни я помнил практически весь англоязычный припев и первый куплет. Мелодию я мог ребятам и напеть, как-никак профессионалы, сообразят, что к чему. Мрачноватое вступление сыграют на синтезаторе, тут тоже подскажу, что да как.

Аккурат перед Пасхой 29 апреля мы крестили Даньку. Крёстной стала Ленка, с удовольствием взвалившая на себя эту почётную миссию. Отец Александр провёл таинство душевно, у меня аж в горле запершило, и слёзы навернулись на глаза, когда стоически

молчавшего сына окунали в купель. Валя испытывала похожие эмоции и уже на обратном пути призналась, что до последнего сомневалась, стоит ли ехать сюда, рисковать своим только что полученным партбилетом. Но теперь уверена, что съездили не напрасно. К слову, Валентина тоже была крещёной, а Ленку крестил её родной отец, перед тем как намылился в батюшки. Так что теперь в нашей семье крещёных полный комплект. Я-то сам тоже крещёный, меня в 13 лет ещё окрестили, вот только, поддерживая легенду о своей ретроградной амнезии, пришлось заявить, что не знаю, может, и крещёный я, а может, и нет. А дважды крестить человека вроде как не положено, насчёт этого я по ходу дела справился у отца Александра.

В преддверии празднования Дня Победы у меня родилась мысль запустить книжную серию «Я помню», которая в моей реальности выходила намного позже советского периода. Когда-то в будущем я прочитал книгу Артёма Драбкина «Я дрался на Т-34», составленную на основе собранных записей и интервью с ветеранами-танкистами, воевавшими на самом массовом танке времён Отечественной войны — легендарной тридцатьчетвёрке. Прочитал на одном дыхании, и вот сейчас, штудирю в «Известиях» какой-то материал, посвящённый предстоящему празднику, подумал о создании такой серии. По-моему, у того же у Драбкина в той же серии «Я помню» выходила аналогичная книга, посвящённая военным лётчикам, называлась, если я ничего не путаю, «Я дрался на Ил-2». С таким предложением я сначала обратился к майору Метёлкину, тот обещал доложить Цвигуну, и вскоре я сидел в кабинете председателя КГБ СССР, делаясь с ним своим грандиозным замыслом.

— Ну что, интересное предложение, с помощью этой серии можно поднять патриотические настроения в стране, напомнить молодому поколению о людях, которые проливали кровь на фронтах Великой Отечественной, — одобрительно кивал Семён Кузьмич. — И правильно, что героями серии станут простые пехотинцы, лётчики, танкисты, моряки... О маршалах и Героях Советского Союза у нас написано немало, а вот подвиг простого солдата воспевать не так часто, как хотелось бы. Можно привлечь «Воениздат», у меня там уже имеются хорошие знакомые, включая директора издательства. Сами возьмётесь или найти вам помощников?

Учитывая, что серия предполагала отнять немало сил и времени, я предложил на выбор самого Цвигуна привлечь одного-двух хороших журналистов, уже писавших о войне, а ещё лучше — непосредственно прошедших её, видевших смерть и ужас Великой Отечественной своими глазами. И пусть попробуют начать с тех же танкистов. Если книга получится удачной, то можно этой паре доверить и написание остальных сочинений серии. Семён Кузьмич со мной согласился, сделал себе соответствующие пометки и пообещал не затягивать с запуском серии.

9 Мая мы прогулялись по праздничной Москве, наслаждаясь весной вместе с другими улыбающимися москвичами и гостями города. Посидели в небольшом кафе, поели мороженого в вазочках, на входе в метро купили Даньке красный воздушный шарик с рисунком самолёта, и пару дней, пока он не лопнул, этот шарик был для пацана любимым развлечением. А потом, поглядев мультик о девочке и варежке, превратившейся в собачку, он тоже захотел четвероногого друга. Поскольку сын в свои два года уже что-то соображал, я попытался объяснить, что пока собаку ему заводить рановато, нужно подождать, хотя бы пока он пойдёт в школу и сможет ухаживать за лучшим другом человека, а не просто лезть к собачьей морде целоваться. Даниил вроде проникся и больше не приставал с такими просьбами.

А сразу после майских праздников стало известно, что министр обороны СССР Дмитрий Фёдорович Устинов в связи с пенсионным возрастом и состоянием здоровья был отправлен в отставку, а ведомство возглавил вчерашний руководитель Генерального штаба Вооруженных сил Николай Васильевич Огарков. Та-ак, подумал я, дело пошло... Кто следующий?

А следующим оказались министр внутренних дел Щёлоков и его заместитель Чурбанов. Им вменялись в вину рост преступности, особенно умышленных убийств, факты сокрытия регистрации заявлений сотрудниками МВД, рост преступлений, совершаемых самими сотрудниками правоохранительных органов... Короче, министерство возглавил пребывавший ранее в опале Александр Николаевич Шелепин, а ещё один член машеровской организации Вадим Александрович Матросов оказался в кресле, которое прежде занимал зять Брежнева.

Ну а дальше... А дальше произошло событие, перевернувшее жизнь не только мою и моей семьи, но и всей страны. Да что там страны! Весь мир замер, соображая, к чему может привести такая неожиданная перестановка во властных кругах СССР.

Произошло же следующее... В один из июньских дней в прологе вечерней программы «Время» Игорь Кириллов, выглядевший ещё серьёзнее, чем обычно, — хотя, казалось бы, куда серьёзней — торжественным голосом сообщил, что сегодня, 14 июня 1978 года, Леонид Ильич Брежнев по состоянию здоровья сложил с себя полномочия генерального секретаря ЦК КПСС, оставляя за собой пост председателя Президиума Верховного Совета СССР.

«Экстренно созванный Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании генерального секретаря ЦК КПСС, — вещал Кириллов. — По поручению политбюро ЦК с речью выступил член политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ Кулаков Фёдор Давыдович. Он внёс предложение избрать генеральным секретарём ЦК КПСС товарища Романова Григория Васильевича. Генеральным секретарём Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал товарища Романова Григория Васильевича».

«Вот это номер!» — подумал я, медленно офигевая.

Это что же получается, история изменилась кардинальным образом! И всё это благодаря моему здесь появлению! Ладно ещё смерть Андропова (к счастью, больше не являющегося мне во сне), но чтобы вот так быстро разобраться с самим Брежневым и посадить на его место своего человека... Хорошо хоть, на этот раз обошлось без смертей. А то, глядишь, и Леонид Ильич зачастил бы ко мне по ночам в придачу с Устиновым и Щёлоковым.

Первым порывом было позвонить Машерову, но вовремя себя осадил. Ну позвоню, и что дальше? Спросить: «Пётр Миронович, а вот эта перестановочка генсека — ваших рук дело?» И что мне Машеров на это ответит? Мол, ты своё дело сделал, Серёжа, сиди и не задавай глупых вопросов, а большие дяди тут сами как-нибудь без тебя порешают.

Интересно, ещё какие-то отставки планируются с подачи команды Машерова?

Как бы там ни было, маховик нового вектора в истории страны запущен, причём с моей подачи, и теперь мне остаётся лишь наблюдать, как события будут развиваться дальше. Если я понадоблюсь властям предрержащим, они дадут об этом знать. Надеюсь, им не придёт в голову избавиться от мавра, сделавшего своё дело. Не хотелось бы оказаться человеком, в котором Романов и его окружение могут увидеть для себя какую-то опасность. Или просто подстраховаться, так, на всякий случай.

Ладно, нечего забивать себе голову такими мыслями, всё равно, если захотят, могут и министром культуры назначить, и в расход пустить. Кстати, я, пожалуй, не отказался бы от кресла министра, ведь какие перспективы открываются!.. Но в то же время, наверное, скучно

быть министром. То ли дело книги писать, песни сочинять, снимать фильмы! Конечно, никто мне не запретит этим заниматься и на столь ответственном посту, но где я найду столько свободного времени в бесконечной череде бюрократических дел?! Да и неудобно с моральной точки зрения. Начнётся перешёптывание за спиной, что сам себе даю «зелёный свет», создаю самые благоприятные условия. Хотя такой вариант если и возможен, то лишь при съёмках фильма, представить, что я сам себе помогаю сочинять книги и песни... Ну, вы меня понимаете.

А ещё день спустя меня пригласили на ковёр к Месяцеву. К тому времени телеэфир пополнился ещё несколькими программами из моего перспективного списка. Например, запустили «Футбольное обозрение» с Владимиром Маслаченко в роли ведущего, выходявшее теперь по окончании воскресной программы «Время». Ну а домохозяйек, и мою жену в частности, вторая программа ЦТ порадовала субботней программой «Смак», транслирующейся в утреннем эфире. Ведущими ТВ-шоу были известный историк-скандинавист, геральдист и великолепный кулинар Вильям Васильевич Похлёбкин и молоденькая Татьяна Веденеева, которые на редкость удачно дополняли друг друга. Продукты для рецептов брались вполне доступные, в том числе и по цене, и гости — первой героиней программы стала актриса театра и кино Людмила Гурченко — демонстрировали свои кулинарные навыки, при этом, как я и предлагал, делясь интересными историями из жизни. Учитывая, что моя Валентина провела перед экраном все 45 минут, которые длился первый выпуск, проект ожидала долгая и счастливая жизнь.

Явившись в кабинет председателя Гостелерадио СССР, я в глубине души подозревал, что приглашение связано со сценарием сериала «Заря новой жизни». И не ошибся. Николай Николаевич похвалил меня за столь креативное, если выражаться языком XXI века, предложение, но добавил, что хотелось бы почитать продолжение истории.

— Хм, в смысле продолжение? — не понял я.

— Ну, зрителю же интересно, что дальше будет. Люди будут думать, как в дальнейшем сложилась судьба героев, чем закончится борьба простого народа с эксплуататорами, наступит ли это самое светлое будущее? Я уже предчувствую шквал звонков и мешки писем. Поэтому, Сергей Андреевич, почему бы вам не приступить к написанию второй части сериала? Естественно, не сразу, а после того, как будет снята первая часть. Режиссёром которой, — Месяцев сделал театральную паузу, — режиссёром которой утверждены вы, Сергей Андреевич. Как, согласны взяться за реализацию своего проекта?

Йоу-ху! Ай да Губернский, ай да сукин сын! Нет, я, конечно, подозревал, что мне может последовать такое предложение, учитывая тот же звонок от председателя Гостелерадио СССР Эльдару Рязанову, но в душе всё же жило сомнение. И вот теперь от всех сомнений не осталось и следа!

— Не буду скромничать, Николай Николаевич, очень лестно слышать, что мне доверена такая честь. — Мне резко стало жарко, и я расстегнул верхнюю пуговицу. — И в то же время я осознаю всю глубину свалившейся на меня ответственности...

— Будет, Сергей Андреевич, я уверен, что вы справитесь. Тем более что и Эльдар Александрович вас очень хвалил, как подающего надежды режиссёра... Наверняка он говорил вам о моём звонке?

— Было такое, Николай Николаевич, не стану отрицать...

— А в помощники вам дадут опытного ассистента, как мне пообещал Борис Михайлович Хессин. Вам по-любому придётся встречаться с директором творческого

объединения «Экран», записывайте его телефон...

С Хессиним мы пересеклись уже через день, в понедельник 29 мая. Борис Михайлович принял меня радушно, напоил чаем и поинтересовался, с кем бы я хотел трудиться над созданием сериала и какие вообще условия мне требуются для нормальной работы. Я сразу заявил, что съёмки должны проходить на Кубе. Оказалось, Хессин уже разговаривал по телефону с директором Гаванской студии телевизионных фильмов, те со своей стороны обещали помочь в создании сериала. И подумать над подбором актёрского состава, как я понял, придётся мне. Да-а, неужто в этой жизни я ещё и на Кубе побываю?! Как говорится, все пряники в один кулёк.

— А как много времени займут съёмки? — спросил я Бориса Михайловича. — У нас на курсах вроде с 1 июня — каникулы, как в школе, правда, учебный год начнётся не раньше ноября — декабря, но мало ли... Вдруг придётся брать академический отпуск.

— Если всё это делается с подачи товарища Месяцева, то волноваться по поводу учёбы не стоит. А сколько времени продлятся съёмки, во многом зависит и от вас, вы же всё-таки у нас режиссёр. — В словах Хессина мне почудилась лёгкая ирония, но лицо его по-прежнему оставалось серьёзным. — Какого плана будет сериал? Что-то аналогичное эпопеям «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов»?

— Скорее, нечто среднее между озвученными вами фильмами и стандартными латиноамериканскими сериалами. И мужикам интересно будет: война, партизаны и так далее, и домохозяйкам — всё ж таки любовь, драма, слёзы, хеппи-энд... То бишь счастливый финал. Не нужно тяжеловесности Иванова. Он, безусловно, отличный писатель, живой классик, так сказать, но наш сериал должен смотреться легко и покорить все страны Латинской Америки. Пусть люди знают, что путь к свободе, равенству и братству они могут проложить только сами.

— Итак, сколько времени вам нужно на подготовку к съёмкам?

Да уж, вопросик... Безусловно, поучаствовав в съёмках «Марсианина», я кое-чему у Тарковского научился, да и почти законченный первый курс у Рязанова добавил мне знаний в плане режиссуры. А так мне хотелось бы уложиться с сериалом на время каникул. Ну а что, сценарий имеется, помощников, персонал мне выделяют, останется лишь руководить всем процессом, попивая в раскладном кресле с надписью на спинке «режиссёр» приготовленный ассистенткой кофе и покуривая сигару. Эх, жаль, не курю, а то обязательно воспользовался бы возможностью затянуться настоящей гаванской сигарой. Не забыть пару коробочек захватить на подарки и взятки — самое то. Впрочем, попробовать знаменитый кубинский ром мне никто не запретит. И сам отведаю, и домой привезу бутылочку-другую. Надеюсь, это не будет расценено бдительными советскими таможенниками как контрабанда?

А может, посоветоваться с Рязановым? Не откажет помочь студенту советом? Поспособствует здесь на первых порах, а там уж, на Острове свободы, придётся впрягаться самому. И нужно не затягивать, а то каникулы начнутся — лови потом мастера.

— Дайте пару дней подумать, Борис Михайлович.

— Думайте, но не затягивайте. Нам ещё нужно составить и утвердить смету.

Рязанов отнёсся с пониманием. Мы с ним, наверное, полдня просидели, пока я старательно записывал в свой блокнотик советы и наставления великого режиссёра.

В высших сферах продолжали проходить перестановки, а я, не теряя времени, выложил Хессину все свои выкладки. В том числе по кандидатуре Басилашвили на роль негодяя. Борис Михайлович сам созвонился с актёром, который в этот момент собирался с семьёй

ехать на отдых, и предложил заменить Крым на Кубу. Правда, уже без семьи. Но, как говорится, искусство требует жертв. Олег Валерианович дал своё согласие. Видимо, главным побудительным мотивом стали не художественные достоинства сценария, а возможность свалить на пару месяцев в настоящий рай, коим советскую Феодосию, куда уже были куплены билеты на всю семью, назвать трудно при всём желании. Представляю, какие разборки устроила ему супруга! Впрочем, не исключено, что в их ячейке общества царит патриархат, хотя сильно в этом сомневаюсь. По Басилашвили не скажешь, что он способен стукнуть по столу кулаком и проорать: «Слушай меня, женщина!»

Неожиданно вернулся покаянный Тарковский. Пока он находился в режиме ожидания, учитывая пертурбации на высших уровнях власти, ведь его дело могло повернуться по-разному. Но, видно, совсем плохо режиссёру пришлось на чужбине, раз рискнул, как говорится, здоровьем. Была мысль позвонить Андрею Арсеньевичу, утешить его или просто поболтать, но я как-то закрутился, не до того.

17 июня мы всей нашей съёмочной группой отъезжали в Одессу, откуда отходил теплоход на Кубу. Очень хотелось взять с собой Валю и Даньку, но едва я заикнулся об этом в разговоре с Хессиным, как получил гневную отповедь. Мол, не нужно путать семью и работу, Сергей Андреевич, скажите спасибо, что вам доверили режиссёрское кресло. Спасибо, Борис Михайлович, низкий вам поклон! Да и, с другой стороны, Валентина не так давно устроилась на работу, до отпуска ещё пахать и пахать, и сын ещё маловат, пожалуй, для столь дальних путешествий. Ничего, насмотрится ещё заграницы, какие его годы! Ну и Валентина, даст Бог, посмотрит мир.

Прогудел, отплывая, теплоход «Михаил Лермонтов». Интересно, в какую страну я вернусь через несколько месяцев? Немного тоскливо глядел я на отдалявшийся берег родины. Нам предстояло плыть две недели с заходами в порты Стамбула, Афин, Мальты, Кадиса, Азорских островов и дальше без остановки до Острова свободы.

Долго, зато была возможность поближе познакомиться не только с экипажем, но и с членами съёмочной группы. Вторым режиссёром был опытнейший Игорь Андреевич Топалов, понюхавший пороху в буквальном смысле слова. Он закончил войну в составе 2-го Белорусского фронта на датском острове Борнхольм. После Победы поступил во ВГИК на режиссёрский и последние лет десять работал в ТО «Экран».

Главным оператором нам назначили Элизбара Караваева — серьёзного усатого мужика, с утра до вечера смолившего на палубе папиросу. Моя ассистентка — дочка какого-то дипломата, выпускница всё того же ВГИКа по имени Лариса — вертлявая, к месту и не к месту хохочущая, но дело своё вроде знала. Из актёров в нашей компании оказался лишь один Басилашвили. Потенциальный либерал-демократ, как выяснилось, страдал морской болезнью и первые пару дней вообще не появлялся на палубе. Потом наконец выполз, зелёный и спавший с лица. К концу же первой недели плавания он уже с важным видом прогуливался по палубе, и любимым его занятием стало кормление хлебными крошками чаек и альбатросов.

Не обошлось, само собой, и без куратора от органов. Учитывая, что Метёлкин был придан рокерам, с которыми отчаливал в очередной гастрольный тур по европам (как-то ребята там без меня, дай Бог, всё у них нормально покатит), нам придали капитана КГБ Вадима Дмитриевича Маркевича. С виду совершенно не похожий на сотрудника силового ведомства, обладатель пивного животика, лысины и свисающих усов, как у Тараса Бульбы. Нам его представили как идеологического работника. М-да-а, такого идеолога ещё

поискать... У них там с кадрами, что ли, напряжёнка? Всё плавание Маркевич флиртовал с пассажирками, причём не брезговал даже дамами своего возраста, а на вид нашему куратору было лет пятьдесят.

Плавание прошло без серьёзных происшествий. Разве что в районе пресловутого Бермудского треугольника нам пришлось продирается сквозь густой туман, что тут же породило шутки о пропавших без вести в этом районе океана судах. Капитан теплохода, суровый не улыбочивый Яков Петрович Самойлов, услышав как-то неосторожно произнесённое при нём предположение о пришельцах, которых мог бы заинтересовать «Михаил Лермонтов», заявил:

— Ещё раз услышу от кого-нибудь подобную ерунду, посажу в шлюпку и отправлю в одиночное плавание.

Шутки тут же прекратились, кто знает, что можно от него ожидать.

Когда мне наскучило бесцельное хождение по палубе, а вид бескрайнего моря стал вызывать тоску, я одолжил у старпома пишущую машинку и принялся сочинять продолжение латиноамериканской истории.

Итак, Хосе Сальгадо и Мария Варгас наконец вместе и со своим сыном Мигелем. Они воюют в партизанском отряде против проамериканской диктатуры. Тем временем над батраками, которым Мария раздала землю и которые создали на ней сельскохозяйственный кооператив, сгущаются тучи. Власти подозревают кооператоров в связях с партизанами и посылают отряд карателей, которые разоряют кооператив, убив часть бывших батраков, уцелевшие же спасаются в лесу и присоединяются к партизанам.

Вместе с прочими в кооперативе жила младшая сестра Хосе Аманда. При разгроме кооператива её хватает в лесу один из карателей и хочет изнасиловать. Это видит молодой офицер Антонио Санчес, только что вернувшийся из США, где он проходил обучение, но набил морду обхамившему его американскому инструктору, за что был возвращён на родину и послан на борьбу с партизанами. Антонио вступается за Аманду, насильник хочет его убить, однако Антонио убивает его самого и помогает Аманде сбежать, а убийство сослуживца-насильника сваливает на бежавших в лес кооператоров.

Аманда, став разведчицей партизан, случайно встречает в городе Антонио. Между офицером и партизанкой вспыхивают чувства. Аманда не забыла, как Антонио спас её, но при этом она помнит разгром карателями кооператива, и ей кажется, что, влюбившись в «прислужника диктатуры», она предаст своего брата Хосе и партизан. Антонио не знает, что Аманда — партизанка, и хочет жениться на ней, девушка уговаривает его дезертировать, но Антонио останавливает чувство долга и семья, которая отнюдь не сочувствует партизанам. Однако, наблюдая за действиями диктатуры, её карателей и «эскадронов смерти», он всё больше разочаровывается в проамериканском режиме и своей службе.

Тем временем партизанское командование отправляет получившего ранение Хосе и Марию с ребёнком на Кубу — учиться и лечиться. На Кубе они встречаются с Фиделем. Затем Хосе и Мария возвращаются в отряд, оставив сына на Кубе. Долг перед родиной оказался сильнее родительского долга.

В отряде Хосе начинает активно клеить красивая и слабоватая на передок партизанка Карменсита Рамирес. Мария ревнует, они с Хосе ссорятся. Карменсита усиливает натиск, но Хосе всё же устоял и решил помириться с Марией. Во время их объяснения на отряд нападают каратели, выследившие его в результате предательства. С большим трудом и потерями партизанам удаётся вырваться из окружения, но во время боя Хосе и Мария

потеряли друг друга из виду. Марию контузило разорвавшейся поблизости миной, в бессознательном состоянии её захватывают каратели, которые сначала хотят убить партизанку, но этому мешает американский офицер-инструктор, присланный по линии ЦРУ. Этим офицером оказывается Билл Форбс, брат убитого в конце первого сезона подлого гринго Джона Форбса. Билл узнает от предателя, кто такая Мария, и решает через неё поймать на живца Хосе, для чего угрожает пытками и казнью Марии, а потом и других партизан, чтобы разом выслужиться и отомстить за брата.

Хосе в отчаянии, он готов в одиночку штурмовать тюрьму, но партизаны и Аманда его удерживают от опрометчивого шага. К тому времени Антонио Санчес решает перейти на сторону партизан, ему даже удаётся сагитировать нескольких молодых солдат, набранных из вчерашних крестьян. С помощью Антонио партизаны разрабатывают операцию по захвату американского посольства во время приёма в честь Дня независимости 4 июля, на который собираются не только янки, но и местная олигархия. Захват посольства проходит удачно, причём оказавшийся в посольстве Билл затевает перестрелку, в которой Хосе его убивает. В обмен на освобождение американцев и олигархов диктатура соглашается освободить политзаключенных, в том числе и Марию. Хосе и Мария снова вместе, Аманда наконец может беспрепятственно крутить любовь с Антонио, который тоже ушёл к партизанам. Партизаны начинают наступление, народ поднимает восстание, диктатура свергнута, американцы сматываются восвояси, новая народная власть устанавливает дипотношения с Кубой, прилетевшие кубинские дипломаты привозят Хосе и Марии их сына Мигеля. Одним словом, победа, свобода, взошла заря новой жизни... Fin!

Хм, ничего так получилось, подумал я, перечитав набросок сценария. Осталось всё это привести в божеский вид, сочинив диалоги, но пока мне надоело заниматься этой «мыльной оперой», и остаток пути я посвятил прослушиванию «вражеских голосов».

В мире было неспокойно. Ещё до нашего отъезда в передаче «Время», а затем в «Международной панораме» были репортажи о сенсационных событиях в Италии. Началось всё 16 марта 1978 года с попытки группы террористов из организации «Brigate Rosse» («Красные бригады» или просто BR) похитить экс-премьера Италии и лидера правящей христианско-демократической партии Альдо Моро.

Несколько десятков «бригадистов» под руководством командира римской «колонны» BR Валерио Моруччи заблокировали кортеж Моро на перекрёстке Виа Фини и Виа Стреза, после чего посреди Рима развернулась эпическая бойня. Сначала нападавшие расстреляли охранников Моро и его водителя. Однако рано они стали торжествовать, так как в тот же момент в события вмешались новые действующие лица. На «бригадистов» с разных сторон обрушился массированный огонь, причём настолько прицельный, что за пару минут все нападавшие были уничтожены, за исключением их командира Моруччи, оставшегося лежать с аккуратно простреленными из снайперских винтовок конечностями. Как только всё закончилось, спасители Моро по-английски исчезли с места происшествия, не дожидаясь благодарности, а сам Моро остался ждать приезда карабинеров на заваленной трупами улице, пребывая в некотором душевном раздрае.

Впрочем, это состояние продлилось недолго. Похоже, уже в тот же день Моро узнал немало интересного по поводу готовившегося на него покушения. На состоявшемся заседании парламента была сформирована новая правящая коалиция в составе левого крыла христианских демократов (в рядах которых в этой связи случился раскол на сторонников и противников коалиции), социалистов, коммунистов и нескольких мелких региональных

партий, а затем был утверждён новый кабинет во главе с самим Моро, а не с Джулио Андреотти, как планировалось изначально.

Грешен, когда услышал об этом в новостях, сразу подумалось, что сработало моё предупреждение в записке Машерову о будущем похищении Моро и его убийстве 9 мая. Похоже, это ребята Иваштутина или Цвигуна навели в Риме шороху.

И теперь новости из Италии приходили каждый день. Чрезвычайная следственная комиссия во главе с генералом Делла Кьеза перевернула всю страну. Схватили большую часть «бригадистов», включая всю верхушку. Началась чистка итальянских спецслужб, которые, как выяснилось, имели прямое отношение к покушению на Моро вместе с другими представителями итальянского истеблишмента, а также американцами. Ниточки потянулись к Вашингтонской администрации, ЦРУ, госдепу, штаб-квартире НАТО.

В результате было арестовано множество политиков (включая несостоявшегося премьера Андреотти, на котором оказалось полно грехов, от связей с мафией до соучастия в заговоре против Моро), чиновников, мафиози и связанных с ними бизнесменов. Замели и «досточтимого мастера» масонской ложи «П-2» Личо Джелли. Как и в моей истории, при обыске его виллы нашли списки членов ложи и массу других интересных документов. Скандал громыхнул на всю Европу. Италия стояла на ушах, обсуждая вскрывшиеся подробности, в том числе и о вмешательстве США в итальянские внутренние дела. Посол США и почти все прочие американские дипломаты были высланы, деятельность ЦРУ в Италии официально запрещена.

Мало того, итальянский парламент большинством голосов принял решение о выходе Италии из военной организации НАТО и о выводе с итальянской территории американских и натовских баз.

Тем временем в Москву прибыла итальянская делегация во главе с министром иностранных дел, лидером социалистов Кракси и вице-премьером, руководителем ИКП Берлингуэром в сопровождении множества представителей итальянского бизнеса. Переговоры ещё не закончились, но, по просочившимся в западные СМИ сведениям, был практически решён вопрос о многих десятках контрактов, каждый из которых не уступал прогрессивному в 1960-х строительству ВАЗа.

Не менее поразительные дела творились в Юго-Восточной Азии и странах бассейна Индийского океана. 26 мая 1978-го стало известно о восстании в Камбодже, или Демократической Кампучии, как она тогда называлась. Против режима Пол Пота восстали войска восточной военной зоны на границе с Вьетнамом. Разом поднялось несколько дивизий. Пол Пот бросил на подавление все имеющиеся в его распоряжении силы, но расправиться с восставшими не получилось, так как им на помощь немедленно пришёл Вьетнам. Похоже, вьетнамцы были в курсе планов восставших и заранее подготовили удар по полпотовцам. Вьетнамские ВВС обеспечили восставшим надёжное прикрытие и поддержку с воздуха, быстро помножив на ноль полпотовскую авиацию и затем взявшись за бронетехнику и артиллерию.

Стало известно о создании нового правительства во главе с Со Пхимом и Пен Сованом, которое было немедленно признано Вьетнамом, подписавшим с новой властью Камбоджи договор о союзе.

Вьетнамские танковые и артиллерийские части, введённые в район восстания, расчищали дорогу восставшим войскам и добровольцам из местных жителей, которые желали посчитаться с полпотовцами за нечеловеческие условия жизни. Таким раздавали

подвезённое из Вьетнама оружие.

Вьетнамский спецназ устроил настоящую резню в тылах и штабах полпотовской армии, а тем временем повстанческая армия, пополняясь по дороге людьми, при поддержке вьетнамцев быстро продвигалась на запад и к концу июня, подойдя к столице страны Пномпеню, захватила её, как и главный порт Кампонгсаом. Полпотовцы ещё яростно сопротивлялись в местностях, прилегавших к границам Таиланда и Лаоса, но было ясно, что их песенка спета. И произошло это раньше, чем в моей истории.

В Пекине и Вашингтоне кричали о вьетнамской агрессии, на что Вьетнам предъявил в ООН документальные данные об агрессии полпотовцев против Вьетнама в 1975–1978 годах, договор о союзе с новым правительством Камбоджи, свидетельства о преступлениях полпотовского режима против своего народа, а СССР с олимпийским спокойствием наложил в Совбезе вето на антивьетнамские резолюции американцев и китайцев.

Примерно в то же время в новостях замелькала мало кому известная до этого Республика Коморские Острова — небольшое государство в Индийском океане у восточного побережья Африки. 29 мая 1978 года, в ночи, как говорили раньше, с зафрахтованного в ЮАР судна на остров Гран-Комор, на окраине столицы Морони, высадилась банда наёмников в пару сотен штыков во главе с хорошо известным в Африке Бобом Денаром. Их целью был президентский дворец и находившийся в нём президент Али Суалих. Но вот тут у наёмников что-то не заладилось. Рядом с Морони почему-то оказались советские подводные лодки, с которых незадолго до прибытия наёмников тихо высадился морской спецназ СССР, который и встретил наёмников, уже успевших к тому времени арестовать руководство местных силовиков и разоружить столичный гарнизон на подступах к президентскому дворцу. Там наёмники и полегли. Правда, не все. Боба Денара советские спецы захватили живым, хотя и слегка попорченным пулями. Вместе с ним повязали и бывшего президента, снова претендовавшего на это кресло, Ахмеда Абдаллу Абдеремана.

Местные ландскнехты, к слову, оказались отборными «псами войны», с немалым опытом, так что с ними пришлось повозиться. Стрельба в Морони шла около часа, пока не было наконец покончено с последним наёмником. Впрочем, бежать им всё равно некуда. Сразу после начала стрельбы судно, на котором они прибыли, было подорвано не то торпедой, не то боевыми пловцами-диверсантами и ушло под воду.

Что до Денара и Абдеремана, то сейчас над ними в Морони проходил громкий процесс, освещаемый СМИ всего мира. На процессе эти двое (подозреваю, что после общения с людьми Ивашутина — Цвигуна) заливались соловьями, вытаскивая на свет массу интересного о действиях наёмников, а также западных спецслужб и правительств. В результате громкие скандалы с не менее громкими отставками прокатились по Вашингтону, Лондону, Парижу, Лиссабону и Брюсселю.

Так что теперь на предложения госдепа о размещении дополнительных американских вооружений в Европе местные правительства только махали руками. Какие ракеты?! Нам бы самим усидеть!

А в столицу Коморских островов прилетела советская делегация, с которой чрезвычайно впечатлённый оказанной помощью президент Суалих подписал ряд договоров, в том числе и о создании на островах советской военной базы.

О как! И маоизм не помешал! Как быстро у парня мозги развернулись в правильную сторону, стоило только раз под смертью побывать!

А меньше чем через месяц, 26 июня, пришли новости из Южного Йемена. Местный

президент, маоист и сторонник Китая Салем Рубайя Али, попытался зачистить сторонников СССР в руководстве страны. Кое-что ему удалось. Как было сказано в зачитанном в программе «Время» официальном сообщении из Адена, «от рук приспешников предателя и авантюриста Салем Рубайя Али погибли выдающиеся йеменские революционеры и патриоты Али Салем аль-Бейд, Хейдар Абубакр аль-Атгас, Ясин Саид Наоман и Али Насер Мухаммед».

Однако «здоровые силы Южного Йемена» в лице Абдель Фаттаха Исмаила, Али Ахмад Насер Антара, Али Шаи Хади и Салеха Муслеха Касема, похоже, не дали застать себя врасплох, нанеся контрудар, в результате которого сторонники Салем Рубайя Али были частью перебиты, а частью разбежались, сам же он был схвачен и расстрелян. По решению правящей Йеменской социалистической партии новым главой государства и партии стал Абдель Фаттах Исмаил.

Практически сразу после этого южнотийменский десант высадился на острова Куриа-Муриа у южного побережья Аравийского полуострова. Судя по словам радиожурналистов, в колониальную эпоху эти острова принадлежали Южному Йемену (в ту пору английской колонии), а после того как йеменцы начали войну за независимость, англичане передали эти острова соседнему Оману. Южный Йемен этого не признал и обращался в ООН, но никому там это было не интересно, и история с островами зависла. И вот теперь южнотийменские войска разом заняли все пять островов, выкинув с них оманские войска, и начали активно там укрепляться. В Адене были устроены торжества в честь великой победы и возвращения исконно йеменских территорий. Правда, бежавшие с островов оманские военные и их английские советники утверждали, что во время высадки десанта в эфире в основном слышались русские ненормативные выражения. Но МИД СССР в своём заявлении гневно опроверг эти клеветнические измышления.

Впрочем, Оману вскоре стало не до островов. В западных провинциях резко активизировались партизаны из Фронта освобождения Омана.

Пока в Южном Йемене шли празднества в честь победы и возврата «восточных территорий», как-то тихо и незаметно был подписан договор об аренде СССР на 99 лет острова Сокотра в Аденском заливе, на пути в Красное море, в качестве военной базы.

И уж совсем без всякого шума был заключён ряд договоров между СССР и президентом Северного Йемена аль-Хамди. В том числе и об 99-летней аренде Советским Союзом островов Ханиш в южной части Красного моря. При этом удалось решить и территориальный спор Северного Йемена и Эфиопии из-за островов. Эфиопы согласились снять претензии при условии, что ВМФ СССР не даст эритрейским сепаратистам использовать острова, а Северный Йемен прекратит поддержку мятежников в Эритрее.

В итоге флот СССР сейчас обустраивался уже в трёх странах. В Вашингтоне, Лондоне, Париже, Претории, а также в арабских нефтяных монархиях бесились, но сделать ничего не могли.

Но самые интересные события случились в Китае. В начале июля, когда мы уже бороздили воды Атлантики, пекинское радио передало сообщение о гибели «выдающегося коммуниста, преданного сына компартии Китая, до конца верного великому знамени марксизма-ленинизма и Мао Цзэдуна» Дэн Сяопина. Как сообщали западные «голоса», ссылаясь на источники в Пекине, у дома, где жил Дэн, остановился грузовик-фургон. Охранники подошли узнать, в чём дело, но водитель с напарником их пристрелили, после чего запрыгнули на подкатившие мотоциклы и скрылись. Сразу же после этого грузовик

взорвался. От дома и тех, кто в нём находился, включая Дэна, осталось... Да ничего, в общем-то, не осталось.

В тот же день вертолёт, в котором летел маршал Е Цзяньин, взорвался в воздухе. Выживших не было.

Китайское руководство устами пекинского радио пообещало безжалостно покарать всех причастных к этим покушениям, обвинив во всём тайваньскую разведку. На побережье от Шанхая до Гуаньчжоу начали стягиваться войска. В свою очередь, США пригнали к Тайваню свой флот и перебросили авиацию из Японии, с Филиппин и из Микронезии, заявив, что не позволят КНР напасть на Тайвань.

В Пекине разразились проклятиями и ужасными угрозами в адрес американского империализма. Отношения КНР и США резко ухудшились.

Тем временем в Китае происходили многочисленные отставки и аресты «причастных к покушению» на Дэн Сяопина и Е Цзяньина. Как правило, это были военные, а также партаппаратчики, близкие к покойным. Их обвиняли в работе разом на «гоминьдановскую реакцию», «американский империализм» и «советский ревизионизм». Впрочем, чем бы дитё ни тешилось, лишь бы иностранные инвестиции не привлекало и модернизацию не проводило...

Слушая все эти новости и комментарии к ним, я постоянно крутил в голове одну и ту же мысль: «Неужели это мои советы Машерову так круто повернули судьбу Европы и Азии?»

Хотя что толку забивать этим голову. Подробности мне всё равно вряд ли расскажут. Ладно, пусть этим Романов, Машеров, Иващутин, Цвигун и другие старшие товарищи занимаются. Меня ждут Куба и съёмки сериала...

Остров свободы показался на горизонте 26 июля. Мы медленно входили в порт Сьенфуэгос, находившийся в одноимённом городке. Все столпились у борта и жадно вглядывались в кипевшую на берегу жизнь. Фидель, сигары, ром, зажигательная самба... Ладно, все развлечения на потом, первым делом, как пелось в песне, самолёты. Сейчас за нами должен подъехать автобус, на котором мы всей честной компанией отправимся в Гавану знакомиться с местным кинематографическим начальством, а затем проведём кастинг кубинских актёров. Надеюсь, нам удастся выбрать достойных Хосе Сальгадо и Марию Варгас.

Глава 6

— Хесус, Кончита, ну больше, больше страсти! Блин, Пабло, как это сказать по-испански?

— La pasión mas, компаньеро Губернский.

— Спасибо, товарищ. В общем, слышали, что наш толмач сказал? La pasión mas, короче говоря.

Прозвучала команда для звукорежиссёра «Мотор!», щёлкнула брусом «хлопушки» моя ассистентка, объявляя номер дубля, затем было объявлено «Камера!», и исполнители главных ролей прильнули друг к другу.

— Хосе...

— Мария...

— О, Хосе, yo ya te echaba de menos!

Парочка изображала страсть после долгой разлуки. Актёр Хесус Монтойя, игравший Хосе Сальгадо, покрывал лицо, шею, плечи партнёрши нежными поцелуями, а та закатывала глаза и всячески демонстрировала, как она скучала по своему возлюбленному все эти месяцы.

— Стоп, снято! Вот, совсем другое дело! — воскликнул я, удовлетворённо откинувшись на плетеную спинку кресла-качалки.

Это кресло-качалку я обнаружил во время прогулки по местному рынку. Плетёной мебелью торговал старик негр, чьё лицо было изборозжено глубокими, как гранд-каньон, морщинами. Он сам же её и плёл. Стоговались за 15 песо. Как я узнал во время обмена валюты, 1 кубинский песо был равен 1 американскому доллару и 1 советскому рублю. Так что, считай, приобрёл шикарное кресло-качалку за 15 рублей. Только вот как я его в Москву повезу?.. Хотя, собственно, на теплоходе так же обратно и поплывём, а кресло не такое уж и громоздкое, попробую как-нибудь сдать его в багаж.

По прибытии нас встретил невысокий загорелый (впрочем, как и всё местное население) тип, представившийся советником министерства культуры Луисом-Марией Пинедой. Он прилично говорил по-русски, но к нам всё равно приставили переводчика Пабло с какой-то трудновыговариваемой фамилией, в своё время окончившего УДН им. Патриса Лумумбы. Узнали, что Гавана готовится принять на днях XI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, поэтому на съёмки в столице Кубы, скорее всего, можно не рассчитывать. Но на Острове свободы немало и других прекрасных мест.

В Гаване мы познакомились с руководящим составом местной киноиндустрии в лице необъёмного Густаво Куэвоса. Протянув для рукопожатия потную ладонь, которую тут же захотелось обо что-нибудь вытереть, хозяин кабинета, под потолком которого лениво вращались лопасти вентилятора, предложил сесть и поинтересовался, какие напитки мы предпочитаем. Переглянувшись — делегация состояла из меня, Маркевича и второго режиссёра Игоря Топалова, — мы попросили чаю. Только Маркевич горячего, а мы с Игорем Андреевичем холодного, со льдом, благо таковой имелся в наличии. Куэвос, кстати, тоже разговаривал на великом и могучем, хотя и не так споро, как Пинеда и тем более Пабло. Похоже, все кубинцы, занимающие более-менее приличные посты, не миновали обучения в нашей стране.

В кабинете Густаво присутствовал ещё один человек, скромно сидевший в углу.

Оказалось, это мой сорежиссёр с кубинской стороны Виктор Кинтана, в своё время обучавшийся азам киноискусства во ВГИКе. Мы быстро нашли с ним общий язык, учитывая, что Виктор тоже неплохо говорил по-русски.

Куэвос раскинул по столу веером фотографии местных актёров, предлагая выбрать кандидатов для проб. Я сразу ткнул пальцем в мужественную и симпатичную физиономию 30-летнего актёра гаванского Национального театра Хесуса Монтойи. С главной же героиней определились не так быстро. В конце концов я доверился профессиональному чутью Топалова, который указал на курносую креолку с озорными глазами Кончиту Себальос. Забегая вперёд, скажу, что кинопробы оправдали наши ожидания. Это что касается основных персонажей. А вот по второстепенным ролям пришлось кое-кого отсеять. В итоге процесс кастинга затянулся на целую неделю.

Для места основных съёмок нам предложили второй по величине город острова Сантьяго-де-Куба, в котором когда-то учился сам Фидель Кастро и где с балкона местной ратуши он произнёс свою победную речь. Посмотрев фото и выслушав рассказ председателя кубинского Госкино, я согласился, что натура выбрана неплохая. Сантьяго-де-Куба был одним из старейших городов острова с множеством строений колониальной эпохи. Как раз то, что нужно! К тому же его окружали поросшие лесом горы, по которым предстояло бегать киношным партизанам. Окончательно меня добило фото фазенды, в которой, как объяснил Густаво Куэвос, планировалось «заселить» семейство Марии Варгас. Показали мне фото и похожего особнячка, но чуть меньших размеров и попроще, где должен был обитать якобы фазендейро, на которого батрачил главный герой.

Единственное, что меня огорчило, когда мы всей командой с уже отобранными актёрами прибыли на место, — жуткая жара. Из-за гор, прижимавших город к морю, какая-либо продуваемость здесь отсутствовала напрочь, в первый момент возникало ощущение, что мы угодили в сауну или плавильный котёл, а скорее всего, в смесь того и другого. Даже сами горожане, как я заметил, старались передвигаться по теневой стороне улицы.

— Ох, хлебнём мы тут... — молвил Игорь Андреевич, вытирая платком покрытые бисеринками пота лоб и шею.

Первый день мы посвятили знакомству с городом. Тогда-то я и забрёл на местный рынок, где приглядел плетёное кресло-качалку. А теперь покачивался в нём с высоким стаканом свежесжатого охлаждённого апельсинового сока в руке, прикрытый от лучей палящего солнца большим пляжным зонтом. Из-за этого перед остальными участниками съёмочной группы я испытывал некоторый моральный дискомфорт. Впрочем, на открытом воздухе мы старались работать в основном на рассвете и закате, чтобы хоть как-то облегчить физические страдания. В другие часы снимали в павильоне.

В одежде мы предпочли демократичный вариант; глядя на местных жителей, майками и шортами все, включая что-то вечно бурчавшего под нос Басилашвили, обзавелись уже на следующей день.

Пару раз к загородной фазенде, где мы снимали большинство сцен, приезжал местный градоначальник. Видно, получил приказ свыше проследить и обеспечить всем необходимым. С питанием и проживанием, к слову, проблем не было. Но в такую жару есть не очень-то и хотелось, мы больше налегали на соки, коих тут имелось в избытке. Неудивительно, ведь пологие склоны гор были усеяны преимущественно апельсиновыми деревьями, хотя и другие фрукты здесь тоже произрастали в изобилии. Яблок, кстати, было днём с огнём не сыскать, зато экзотики типа гуавы, гуанабаны и черимойи — хоть отбавляй.

Для проживания нам выделили особняк почти в самом центре города, причём меня поселили на втором этаже в большой зале с таким же, как и в кабинете у председателя кубинского Госкино, вентилятором под потолком. Приятно чувствовать себя пупом вселенной! Олег Валерианович, пользуясь тем, что пока в его услугах особенно не нуждались, предпочитал оккупировать мою комнату с потолочным вентилятором (естественно, с моего разрешения) и сутки напролёт перед зеркалом со сценарием в руках репетировал свою роль. В этом плане он конечно же был профессионалом.

Пастор Освальдо — так звали главу муниципалитета — заодно познакомил нас и со своим семейством. Сам он был, можно сказать, светлокожим, а супруга оказалась негритянкой. Дети же — два мальчика и девочка — получились мулатами, цвета кофе с молоком. В тот день мы, закончив утреннюю часть работы, устроили своего рода ланч прямо на фазенде. Мэр привёз не только семью, но и пару объёмных плетеных корзин с сыром, свежее испечёнными лепешками, в том числе и рисовыми, с ветчиной, отварными и маринованными в банках креветками, овощами, цинковый бочонок с соком гуавы и пару бутылочек рома «Santiago de Cuba Anejo». Оказалось, что здесь ещё и производят этот самый знаменитый напиток, не забыть бы перед отплытием приобрести на память несколько таких «стекляшек» объёмом 0,7 литра.

Я сразу же отметил плотоядные взгляды, которые то и дело бросала в мою сторону супруга мэра Мерседес Освальдо. Пару раз, по привычке, связанной с одноимённым автомобилем, я сделал неправильное ударение в произношении её имени, на что Мерседес оба раза отреагировала игривой улыбкой. Блин, закадрить, что ли, меня собралась? И что она во мне нашла? Обычный среднестатистический мужик, разве что русский и режиссёр. Может, последний фактор и сыграл свою роль? Нет уж, надо бы поосторожнее с этим делом. А то муженёк — глава небольшого города, да ещё и представитель другого государства. Дело может обернуться международным скандалом. А если этот Пастор совсем не пастор, а весьма вспыльчивый мужчина? Узнает об измене, схватит мачете и прибежит рубить меня в мелкий фарш. Оно мне надо?

Но, с другой стороны, почему бы не сделать местному градоначальнику приятное? Например, предложить снять его жену в какой-нибудь небольшой роли? А что, у меня, кстати, до сих пор нет актрисы на роль Кармен Чавес — поварихи в партизанском отряде. Изначально я думал привлечь какую-нибудь упитанную кубиночку, но что-то ничего из предложенного меня не удовлетворило, и я попросил Топалова заняться этим вопросом, благо время ещё терпит — к съёмкам лесных облав и перестрелок мы планировали приступить в начале следующей недели.

Едва я озвучил своё предложение сыграть небольшую, но яркую роль — повариха по сюжету гоняет голодных партизан черпаком и постоянно балагурит, — как глаза Мерседес тут же загорелись. Она кинула умоляющий взгляд на мужа, тот развёл руками, тараторя что-то на испанском, и, получив в ответ ещё более экспансивную тираду от супруги, махнул рукой.

— Компаньеро Освальдо говорит, что он не против, — перевёл Пабло. — Просит только, чтобы это не заняло много времени, потому что Мерседес — прежде всего жена и мать, и ему нельзя долго сидеть с детьми в её отсутствие, у него слишком много дел.

— Передайте компаньеро Освальдо, что мы учтём все его пожелания и участие в съёмках Мерседес никак не отразится на его личной жизни.

В итоге стороны разошлись, как принято говорить, довольные друг другом. Думаю, мэру

всё же будет приятно, когда на телеэкране — сериал планировалось продемонстрировать и на Кубе — покажут его супругу. А я в глазах местного королька заработаю лишние очки, которые в дальнейшем могут оказаться вовсе и не лишними. Кто знает, как всё повернётся в будущем.

Два месяца съёмок прошли, можно сказать, без сучка и задоринки. За исключением разве что одного момента, едва не стоившего жизни Кончите Себальос. По сюжету в одной из сцен гринго-Басилашвили требует от Марии, чтобы та отдала ему своё сердце и руку. Негодяй Луис-Игнасио присутствует тут же и всячески пытается надавить на племянницу, преследуя этим браком свои корыстные интересы. Взбешённый отказом Марии, дядюшка выхватывает пистолет и целится в девушку, заявляя, что если она не согласится выйти за Форбса, то он её убьёт, а дело обставит так, будто она сама застрелилась, не выдержав любовных терзаний. Мария, сама впадая в тихую ярость, надвигается на направленный в её сторону ствол пистолета и заявляет:

— Я давно подозревала, что вы, дядюшка, тот ещё негодяй. Стреляйте и пусть вас потом черти поджаривают в аду!

Луис-Игнасио в замешательстве, он не решается стрелять в собственную племянницу, и тогда та подходит вплотную и пытается вырвать из его руки пистолет. В этот момент раздаётся выстрел, девушка хватается за простреленное плечо и спустя несколько секунд падает в обморок. Понятно, что выстрел холостой, а кровь на блузке Марии в следующем кадре — всего лишь пятно вишневого сока.

Но тут стоит сказать, что немолодой пиротехник Анхель Эрнандес, приданный нам в команду, в своё время служил под командованием самого Фиделя и только в мирное время переключился на кино, где с успехом использовал свои пиротехнические навыки. При этом он повсюду таскал с собой свой револьвер системы Нагана с выгравированной дарственной надписью от команданте Че. Причём револьвер был всегда заряжен боевыми патронами, не иначе, у нашего пиротехника с годами появилась мания преследования, и он постоянно ждал нападения. По иронии судьбы, у киношного Луиса-Игнасио был точно такой же револьвер. И так получилось, что бутафорский вариант где-то затерялся. Пока суд да дело, Анхель молча протянул актёру свой револьвер, забыв поменять боевые патроны на холостые. Короче, бабахнуло знатно, после чего Кончита-Мария схватилась за плечо, на котором выступила самая настоящая кровь. К счастью, пуля прошла по касательной, едва оцарапав плечо, и всё обошлось лоскутом содранной кожи. Но перепугались все не на шутку, кроме разве что самой Кончиты, которая довольно быстро пришла в себя и по-испански что-то высказала в адрес и экранного дядюшки, и пиротехника. Когда я попросил Пабло перевести, тот покраснел и сказал, что это труднопереводимое наречие.

Кровь быстро остановили, но от греха подальше — ещё заражения не хватало — отвезли девушку в одну из больниц Сантьяго-де-Куба, где ей наложили несколько швов и попросили хотя бы неделю не делать резких движений, чтобы швы не разошлись. А через неделю обещали швы снять. Так что эти дни мы задействовали Кончиту осторожно, стараясь не потревожить заштопанную местными эскулапами рану.

А я, грешным делом, решил использовать казус в своих интересах. То бишь в интересах нашего общего дела. Попросил сохранить этот кусок киноленты, где Луис-Игнасио на самом деле ранит Марию, и позже вставить его в картину. И чтобы подогреть интерес местного населения к съёмкам картины, попросил Пабло пригласить на съёмочную площадку журналистов, и желательно не только пишущих, но и снимающих. И когда на следующий

день вокруг меня собралась толпа с ручками, блокнотами, камерами и микрофонами, я в ходе рассказа о съёмках упомянул и этот эпизод, назвав нашу Кончиту героиней, которая, несмотря на рану, тут же вернулась на съёмочную площадку.

После этого толпа представителей СМИ кинулась терзать малость ошарашенную актрису, и ей пришлось добрых пятнадцать минут отвечать на вопросы акул пера и телекамер.

В середине ноября я поздравил всех с окончанием съёмок. Теперь оставалось добить монтаж и сделать озвучку. Причём в оригинале озвучивать сериал должны были те же актёры, что и снимались, а значит, нам предстояло задержаться на Кубе ещё на какое-то время. Что касается монтажа, то работа над ним началась после первой же серии. Мобильная студия режиссёра монтажа располагалась в самом Сантьяго-де-Куба, и я старался каждую свободную минуту проводить в вагончике, где темноволосая мулатка под моим руководством резала-клеила плёнку.

Так же я заранее озаботился музыкальным сопровождением сериала. С собой привёз фонограмму двух песен Инги Чарской, где она перепевала хиты Шакиры «Underneath Your Clothes» и «Whenever». Я помнил, что у меня в телефоне была пара как раз этих композиций, и после часового копания в кассетах нашёл их. К сожалению, разобрать большинство испанских слов для меня оказалось непреодолимой задачей. Закончилось всё тем, что пришлось снова идти в МГИМО, искать талантливого студента, напеть мелодию и попросить сочинить на эту музыку текст на испанском языке, учитывая уже имеющиеся названия композиций. За неплохой гонорар третьекурсник справился меньше чем за неделю, после чего я потащил Чарскую в студию. Ну а остальные музыкальные темы я доверил выбрать моему кубинскому сорежиссёру, который привлёк для этого дела местного композитора.

Озвучка и сведение фонограммы проходили ударными темпами, и на середину 1978 года мы уже могли заказывать билеты на обратный рейс до Одессы. С собой мы планировали везти пару копий фильма с испаноязычной озвучкой, где даже Басилашвили разговаривал отнюдь не на русском. В любом случае по возвращении на родину Олегу Валериановичу предстояло переозвучивать самого себя уже с учётом русскоговорящей телеаудитории. Да, кстати, для озвучки остальных персонажей ещё ведь придётся искать актёров. Ну да ладно, это мы уже на месте разберёмся. Главное, чтобы худсовет остался доволен, а то ещё, чего доброго, и у нас не покажут кино, и здесь, на Кубе, будут печалиться по впустую потраченным силам и времени.

Отзвонился в Москву, Хессину, отчитался о проделанной работе и поинтересовался, когда мы сможем отплыть обратно. Командировочные подходили к концу, а быть нахлебниками у местных претила гордость. Ну да, у русских же она собственная, гордость! Борис Михайлович попросил перезвонить на следующий день. Впрочем, я не спешил уходить с переговорного пункта, сделав ещё звонок и домой. Валя, услышав мой голос, аж завизжала от счастья. Кратко доложившись, что всё в порядке, и выслушав аналогичный ответ, попросил дать трубку Даньке. Сын довольно отчётливо прокричал в трубку: «Папа, плизжай сколее домой!», после чего у меня на глазах непроизвольно выступили слёзы. Пообещал постараться успеть к новогодним праздникам, захватив для сына и жены кубинские сувениры.

Хессину я перезвонил, как и обещал, на следующий день. Выяснилось, что сейчас к берегам Кубы подходит теплоход «Грузия» с грузом советских легковых автомобилей для жителей социалистической Кубы, вот на нём после двухдневной стоянки в порту, во время

которой теплоход пополнит свои запасы еды и пресной воды, мы и двинемся в обратный путь. Капитан судна уже был предупреждён радиограммой.

В общем, нам оставалось лишь дожидаться прихода теплохода, как зеницу ока оберегая две копии сериала, хранившиеся в моём гостиничном номере. А это без малого по сотне круглых, жестяных коробок, в каждой из которых было по три мотка пленки. Всё-таки фильм вышел 50-серийным, таких долгоиграющих сериалов в СССР точно ещё не было, у меня получилась, так сказать, первая ласточка. Зато зимними-весенними-летними и, возможно, ещё и осенними вечерами наши домохозяйки будут сидеть с раскрытым ртом у телевизора, забыв обо всём на свете. С одной стороны, все эти «мыльные оперы», по моему глубокому убеждению, служили больше для оболванивания людей, не неся в себе никакой смысловой нагрузки. С другой — мы всё же постарались снять историю, несущую в себе хотя бы идеологический подтекст на фоне любовных перипетий.

Нашему отплытию предшествовал грандиозный банкет, устроенный по распоряжению самого Фиделя Алехандро Кастро Рус. Естественно, с его личным присутствием. Фидель был, как обычно, в военной форме, подпоясанный широким, с виду брезентовым ремнём с крупными окольцованными металлом дырочками. Попыхивая неизменной сигарой, он с обаятельной улыбкой крепко меня обнял, затем пожал руки остальным участникам вечеринки, проходившей в зарезервированном на весь вечер ресторане на берегу Мексиканского залива. Благодаря открытой площадке задувавший с моря лёгкий бриз заменял присутствующим кондиционер.

Прежде чем усесться за стол, мы мило пообщались с команданте Фиделем, отойдя к перилам веранды. Лидер кубинской революции интересовался, как проходили съёмки, всё ли из намеченного удалось воплотить. Ответив, что проблем удалось избежать, если не считать растиражированного казуса с револьвером (с моей, кстати, подачи), я рассказал о планах на второй сезон, вкратце обрисовав сюжетную линию. Команданте благосклонно похлопал меня по плечу, заявив, что продолжение ему нравится, он сам будет с удовольствием смотреть первую часть сериала и с нетерпением ждать вторую. А когда я, набравшись наглости, сказал, что хотел бы видеть Фиделя в роли самого себя, так сказать, cameo, мой собеседник воспринял эту идею с неожиданным для меня энтузиазмом.

Фидель предложил нам сфотографироваться на память. Тут же появился «придворный фотограф», пыхнувший нам в лицо своей вспышкой. Затем он сфотографировал всю нашу съёмочную группу, в центре которой расположились я и команданте.

За стол мы сели около девяти вечера, а в одиннадцать Фидель нас с извинениями покинул, сославшись на завтрашнюю занятость. У нас же завтра была возможность отоспаться, благо теплоход прибывал в порт «Навана» ориентировочно не раньше полудня да ещё пару дней простоит у причала.

В общем, самые стойкие засиделись почти до рассвета. Первым нас покинул Басилашвили, как раз в момент, когда на сцене ресторана появились танцовщицы, чьи колоритные прелести были прикрыты какими-то разноцветными перьями. Девицы с лоснящейся то ли от пота, то ли от масла кожей никаких сексуальных эмоций лично у меня не вызвали. Но танцевали задорно, и вскоре нам пришлось следом за ними водить хоровод в стиле ламбады.

Были и местные музыканты с гитарами, маракасами и парой маленьких барабанов на одном штативе, по туго натянутой коже которых темнолицый барабанщик отбивал такт розоватыми ладонями. Всё это время я активно «причащался», отмечая окончание

грандиозной работы, каковой считал съёмки пятидесятисерийной «мыльной оперы». Был бы с нами другой куратор, тот же Метёлкин, уж он бы сумел меня как-то остановить. Но наш Маркевич и сам оказался тем ещё любителем поддать, а уж как он клеил местных барышень... Интересно, его стараниями насколько повысится демография Кубы через девять месяцев?

В общем, последнее, что я помнил, — это то, как отнял у гитариста инструмент и принялся горланить песню «Запрещённых барабанщиков» «Убили негра», причём, кажется, ужасно фальшивя, а затем выполз во тьму кубинской ночи и куда-то двинулся нетвёрдой походкой. Но куда, до сих пор не пойму. Что ни говори, а пьяному на ум может прийти что угодно. Короче, обнаружил я себя на рассвете лежащим в какой-то подворотне. Голова казалась неподъёмной. Кое-как привёл себя в сидячее положение и с грустью обнаружил, что пропали часы, подаренные когда-то Валентиной, и кошелёк, в котором, правда, находилось не так и много наличности, потому что большая её часть была припрятана в номере отеля. Хорошо хоть, не прирезали. Но всё равно обидно. А ещё обиднее, что во всём, по большому счёту, я был виноват сам. Вот ведь надо было напиваться до такой степени? Отметили окончание съёмок, называется.

Кое-как поднявшись на ноги, двинулся искать знакомые ориентиры. По-испански я разговаривал так себе, но всё же смог понять, что оказался в паре кварталов от злополучного ресторана. Теперь найти дорогу к отелю, где нас поселили на эти дни, было уже легче. Правда, пешком пришлось протопать через половину Гаваны. Учитывая отсутствие часов и плохой испанский, ориентировался больше по солнцу. Как бы там ни было, на месте я оказался в тот момент, когда наши с вещами уже собрались в холле отеля и обсуждали, куда запропастился режиссёр. Пришлось рассказывать о своих злоключениях, в голову всё равно ничего другого не лезло. Пабло предложил обратиться в полицию, но я махнул рукой, мол, сам виноват, впредь дураку будет уроком. Тем более что время не ждёт.

— Пабло, пусть носильщики перенесут коробки с кинолентами в автобус, — попросил я.

Учитывая, что в одну бобину помещалась только десятиминутная часть фильма на киноплёнке, а в круглую коробку можно было втиснуть шесть таких бобин, можно представить, сколько времени понадобится грузчикам на транспортировку. А ведь ещё и на теплоход грузить придётся.

Помимо бобин наверху меня дожидались ещё две сумки с сувенирами, среди которых почётное место занимали три бутылки лучшего кубинского рома «Santiago de Cuba Anejo» и десяток упаковок лучших в мире сигар «Cohiba Esplendidos», которые, как меня уверяли, вручались в качестве подарков только высокопоставленным особам, дипломатам и государственным деятелям. Выпускаться они начали не так давно, с 1968 года, но тот же Фидель сразу оценил качество сигар, именно эту марку он предпочитал всем другим.

Ну и ещё моё незабвенное кресло-качалка. Надеюсь, мне разрешат пронести его на борт, ведь я с ним уже практически сроднился.

Разрешили, учитывая, что кое-кто из пассажиров теплохода прибарахлился гораздо круче меня. Особенно какой-то дипломатический хрен, загнавший на судно изрядно подержанный «кадиллак-эльдорадо», не иначе задержавшийся на Острове свободы после срочно сваливших восвояси американцев.

Мои коллеги тоже отчаливали не с пустыми руками. Сигарами и ромом затарился каждый, не считая других сувениров. Эх, не в ходу ещё магнетики, которые можно лепить на

холодильник, хотя, не исключаяю, что кто-то уже додумался их изобрести. А если нет? Можно ведь и патент оформить, начать с каких-нибудь Кижей или Кремля. Уверен, поветрие моментально разнесётся по всему миру, а это ж ведь какие деньжищи!.. Хотя что я всё о деньгах и о деньгах, о высоком нужно думать. Например, сколько мне заплатят за сериал... Тьфу ты, опять к тому же пришёл.

Итак, в середине декабря мы отчалили из вечно жаркой Кубы в заснеженный Советский Союз. Кто-то покидал тропический рай с огорчением, но большинство радовались скорой встрече с родным домом и семьями. Хотя как «скорой», всё-таки плыть две недели. Но по сравнению с пятью месяцами на чужбине это совсем ничего. Особенно грело душу чувство выполненной на совесть работы. Ещё немного — и советских домохозяек вечерами будет не оторвать от телеэкрана. Да и кубинских, думаю, тоже. А там, с Божьей помощью, сериал разойдётся десятками копий по странам Латинской Америки. Глядишь, не без нашего участия где-нибудь да разгорится пламя революционного восстания против проамериканского режима.

Пока съёмки сериала на далекой Кубе были в полном разгаре, машеровцы собрались для очередного подведения итогов. Теперь им не пришлось прятаться на даче у Ивашутина, словно каким-то подпольщиком. Отныне они могли позволить себе собираться вполне официально, называя это рабочим совещанием под председательством генерального секретаря ЦК КПСС с участием представителей силовых ведомств. К тому же и ближний круг вырос ещё на две единицы. К взявшим власть в свои руки присоединился теперь уже министр обороны СССР Николай Васильевич Огарков и секретарь ЦК КПСС Яков Петрович Рябов. К рассказу о пришельце из будущего они отнеслись по-разному. Если Огарков с присущим военному человеку складом ума просто принял этот факт к сведению, задав всего пару уточняющих вопросов, то Рябов долго не мог успокоиться, всячески умоляя познакомить его с хронопутешественником. Более-менее унялся только после того, как ему объяснили, что Губернский сейчас находится на Кубе, где снимает сериал. Впрочем, и ему, как и чуть ранее Огаркову, пришлось писать расписку о неразглашении. А наказание могло последовать самое суровое, учитывая, что глава КГБ также был одним из тех, кто затевал все эти перемены.

Когда все расселись по местам, первым слово взял новоиспечённый генеральный секретарь ЦК КПСС Григорий Васильевич Романов.

— Товарищи, прежде чем начать разговор о делах внутри страны, предлагаю поговорить о международном положении. — Он обвёл взглядом собравшихся. — Ни у кого возражений нет?

Присутствующие кивками выразили согласие.

— Поддерживаю, — отозвался Машеров. — Судя по информации из рукописи Губернского, за рубежом назревают серьёзные события. Да и произошло уже немало. Думаю, Пётр Николаевич и Семён Кузьмич нас проинформируют.

Так как остальные не возражали, в разговор вступил Цвигун:

— С позволения Петра Николаевича я выскажусь первым. О событиях в Италии, полагаю, все наслышаны...

— Ещё бы! — ухмыльнулся Мазуров. — Вся Европа, как говорится, на ушах стоит. Вы мне простите моё стариковское брюзжание, но неужто и впрямь не было другого выхода? Устраивать такую баталию посреди Рима...

— К сожалению, выбора не было, Кирилл Трофимович, — ответил Цвигун. — Действовать по официальным каналам было бессмысленно. Это всё равно что предупредить заговорщиков. Вы и сами знаете, что творилось в итальянских спецслужбах и правительственных кругах. И совсем не факт, что Моро, предупреди мы его заранее, нам поверил бы. А если бы и поверил, то начал бы советоваться со своим «другом» Андреотти и ему подобными. Да и задействовать нашу резидентуру в Италии было опасно. В Комитете тоже ещё хватает утечек, хотя основные дыры мы закрыли. Андропов набрал такой швали из сынков и номенклатурных кадров... В общем, мне даже от своих пришлось таиться. Кроме меня и непосредственно спецназовцев, сделавших всю работу, в курсе была только пара моих людей, которым я доверяю как самому себе. Да и из спецназовцев изначально всё знал только их командир, остальным поставили задачу уже в Риме. Мы даже обычными каналами не смогли их отправить. Хорошо, Горшков помог, дал лодку, на которой они незаметно

прибыли к берегам Италии. Высадились под водой и своим ходом добрались до частной виллы на берегу, которую снял мой помощник. А уж оттуда выдвинулись в Рим, к месту покушения. Кстати, там, помимо «бригадистов», в окрестностях было несколько парней со снайперками. Видимо, «контролёры», на случай, если у террористов не выгорит. Мои ребята их заметили, когда осматривали точки, удобные для снайперской стрельбы. К сожалению, выяснить, кто это такие, не удалось, пришлось зачищать быстро и тихо. Хотя вряд ли они из ВР. Скорее, от американцев или от итальянских спецслужб. В любом случае всё прошло удачно. Пользуясь тем, что Моро был весьма впечатлён и вообще доведён до нужной кондиции, с ним через пару часов после покушения встретился наш человек в Риме, Геворк Вартамян, имеющий хорошие связи в итальянских верхах. Он передал Моро информацию о заговоре и заговорщиках и посоветовал поставить на расследование генерала Делла Кьеза, которого Моро и сам знал и уважал как профессионала и честного человека. Ну а зная, что и где искать, итальянцы самостоятельно справились с распутыванием этого клубка. Это в прошлом Губернского Андреотти и компания сделали всё, чтобы максимально спрятать концы в воду. Сейчас такого не было. Моро, по понятным причинам, кровно заинтересован выжечь этот гадючник до конца. Иначе недочищенные заговорщики снова взяли бы за своё. А в итоге мы в очевидном выигрыше. Позиции США в Италии сильно подорваны. Фактически они лишились большей части своих агентов и симпатизантов в стране. Об изменившемся отношении общества к заокеанскому «союзнику» я и вовсе молчу. Да и в остальной Европе после итальянского скандала репутация Вашингтона хорошо подмочена. Это, конечно, лирика, но выход Италии из военной организации НАТО — реально очень сильный удар по янки. Как и контракты, подписанные итальянцами в Москве и разворачивающие их экономику на восток.

— Могу ещё добавить, — вмешался министр обороны маршал Огарков, — что выход Италии из военной организации НАТО серьёзно подорвал стратегические позиции американцев и натовцев на южном фланге, а также поставил в весьма затруднительное положение американский Шестой флот. Фактически, им теперь негде базироваться на европейских берегах Средиземного моря. Франция двенадцать лет назад вышла из военной организации НАТО. Четыре года назад, после свержения «чёрных полковников», её примеру последовала Греция. Испания в НАТО не входит, а после итальянского скандала, будем надеяться, и не войдёт, в отличие от прошлого нашего... гм-гм... прищельца. Можно рассчитывать, что и Греция после такого не вернётся в НАТО в 1980-м, как было в иной реальности. Теперь ещё и Италия. — Огарков налил из стакана минералки и сделал большой глоток, смачивая горло. — На других берегах Средиземного моря у американцев тоже далеко не идеал, — продолжил он. — В Алжире и Ливии им не рады, как и в Сирии. В Ливане уже три года бушует гражданская война, соваться туда американцам — себе дороже. В Тунисе президент Бургиба хоть и развивает отношения с Западом, но официально придерживается нейтралитета и видеть в своей стране чужие базы не желает. Он в своё время французов едва выпихнул. Правительство Мальты тоже проводит строго нейтральную политику, и американскому флоту кроме кратковременных заходов в мальтийские порты ничего не светит. По данным ГРУ, — Огарков взглянул на Ивашутина, тот чуть заметно кивнул, — американцы пытались договориться о создании баз для своего флота в Египте. Эта, простите за выражение, проститутка Садат уже готов был согласиться, но об этих предложениях «откуда-то» узнала арабская пресса. — Ивашутин и Цвигун с улыбкой переглянулись. — Поднялся страшный шум, в Египте миллионные толпы вышли на улицы, и Садат при всём

своём желании услужить Вашингтону был вынужден отказать американцам. Так что сейчас их Шестой флот может рассчитывать в Средиземном море только на базы в Турции. Есть ещё, правда, базы в Кадисе и Роте, в Испании, предоставленные им Франко в пятидесятых, но они находятся по ту сторону Гибралтарского пролива и от Турции далековато. Также американцы могут рассчитывать на английские базы Акротири и Декелея на Кипре, и на порты оккупированной турками части Кипра, но это, собственно, и всё.

— Хотелось бы уточнить, — вступил в разговор Ивашутин. — В Турции американскому флоту будет неуютно. Американцы там сидят на своих базах, как в осаждённых крепостях, за периметр, охраняемый турецкими войсками и жандармами, не высовываются. Их базы в Турции постоянно пробуют на прочность курдские партизаны, а также различные турецкие леваки: маоисты, троцкисты, анархисты и аллах ведаёт кто ещё. Хоть какая-то польза от этой публики. А янки плохо несут службу, если не могут после неё как следует расслабиться. Кроме того, им приходится держать свои силы скученно, что делает их более уязвимыми. На Кипре, правда, спокойнее, но на этот счёт тоже есть кое-какие мысли, которые я доложу в другой раз. Помимо этого американцы ведут переговоры с Израилем о предоставлении их флоту военных баз на израильской территории. Хотя, по нашим данным, переговоры зашли в тупик. Израиль готов предоставить базы, но требует от американцев гарантий безопасности и поддержки в любых конфликтах с соседями, а также обязательства помощи от размещённых на базах в Израиле войск в случае войны с арабами или другими врагами. Американцы отказываются наотрез. Янки верны себе — они хотели бы получить базы, но при этом не желают воевать за израильский интерес. И что ещё важнее, согласие на израильские условия означает для США полный разрыв с арабскими, да и вообще с мусульманскими странами, в том числе с нефтедобывающими, а этого Вашингтон позволить себе не может. С другой стороны, и самые проамериканские арабские режимы такого проглотить не смогут, их свои подданные порвут. На переговорах было заикнулись о вступлении Израиля в НАТО, но эта тема быстро увяла. И тем и другим ясно, что это невозможно. Израиль не имеет чётко определённых границ, да и не стремится. И европейцы на это никогда не пойдут. Очень им надо лезть в чужую драку, к тому же не в Европе. А ещё американцы ведут переговоры с Марокко о предоставлении баз. Правда, у Марокко почти нет приличных гаваней в Средиземном море. Король Хасан далёк от энтузиазма, но готов договориться с США, если они предоставят ему большую экономическую помощь, инвестиции в экономику, перевооружат его армию современным оружием, а главное, помогут подавить сопротивление в Западной Сахаре. Вашингтон вроде бы готов согласиться, хотя и считает, что Хасан запросил слишком много. Но об этом я подробнее сообщу в следующий раз.

— Подведём промежуточные итоги, — сказал Романов. — Предлагаю одобрить работу по Италии и связанным с ней делам и выразить благодарность Семёну Кузьмичу и Петру Николаевичу. Все согласны, товарищи?

Возражений от собравшихся не прозвучало.

— А ещё я считаю, — сказал Машеров, — что люди, работавшие в Риме, должны быть награждены.

— Само собой! — откликнулся Цвигун. — Представления мы с Петром Николаевичем уже написали.

— Подавайте, думаю, Президиум Верховного Совета жадничать не будет, — улыбнулся Романов.

— С Италией и Средиземноморьем понятно, — подал голос молчавший до этого Щербицкий. — А остальное?

— С остальным тоже всё неплохо, — ответил Ивашутин. — Правда, Губернский о событиях в Камбодже, Йемене и на Коморах писал в общих чертах, но, зная, где искать, мы и сами смогли раскопать всё остальное. Эту гадину Денара удалось прихватить, давно он по Африке ползал и пакостил.

— Как же всё это получилось? — поинтересовался Мазуров.

— Для начала мы стали следить за людьми, которые были связаны с Денаром, а также за бывшим президентом Абдереманом, — ответил Ивашутин. — Через них вышли на самого Денара с его бандой, отследили зафрахтованное им судно. Дальше было легче. На судно поставили хитрый маячок, ежечасно подававший узконаправленный сжатый сигнал на спутник. Так и отслеживали их передвижение. К Коморам подвезли морской спецназ на атомаринах. Спасибо адмиралу Горшкову, проявил понимание, позволил спецам участвовать в дальнем походе и с заходом к Морони не возражал. Ну а там заблаговременно высадились и заняли позиции. Когда Денар и наёмники сошли на берег, наши боевые пловцы заминировали их судно и позже по сигналу подорвали. С торпедой решили не рисковать. Ну а остальное уже дело техники. — Ивашутин улыбнулся. — Зато Суалих очень впечатлился, особенно узнав, как наёмники Денара без выстрела повязали его воинство во главе с командующим. И когда зашёл разговор о базе нашего флота на Коморах, согласился без особых споров, но потребовал офицеров-инструкторов из русского спецназа, чтобы они ему местную президентскую гвардию натаскали по высшему разряду. Кроме того, он решил завести свой коморский спецназ и хочет, чтобы его тренировали наши спецы, чтобы его спецназ был не хуже советского. Мы, конечно, согласились, но предупредили, что добиться такого результата удастся не скоро. Впрочем, Суалих готов ждать. Под защитой нашего флота это не страшно. Теперь он с удвоенным рвением давит местных исламистов. Они, бедняги, уже ни на что не надеются, разбегаются с островов кто куда.

— А нам теперь их кормить, — заметил Щербицкий.

— Да что там кормить?! — отозвался Машеров. — На островах народу и шестисот тысяч не наберётся. Не объедят они нас. Зато польза от базирования нашего флота явная, это и мне, невоенному человеку, ясно.

— И что теперь будет с этим Денаром и его подельником? — поинтересовался Судоплатов.

— Думаю, пожизненное заключение, — ответил Цвигун. — На большее они не заработали, так как особого ущерба нанести просто не успели. С другой стороны, попытка государственного переворота и планы убийства президента — это серьёзно. Абдереман нас теперь мало интересует, фигура отработанная, а вот Денар с его связями может пригодиться. Полагаю, Суалих его нам уступит. Да и Денар наверняка предпочтёт сидеть не в африканской тюрьме, а у нас, что бы там ни трубили на Западе об «ужасах ГУЛАГа».

— А Южный Йемен? — спросил Щербицкий.

— С Йеменом было проще, — сказал Ивашутин. — У нас и так там была неплохая агентура плюс информация от Губернского. Вышли на контакт с Абдель Фаттахом Исмаилом и его группой. Они и сами кое-что знали и готовились. Но проявленное внимание дорогого стоит. В общем, как только Рубайя Али и его сторонники зашевелились, тут их Фаттах Исмаил и Антар со товарищи и накрыли. При подстраховке спецназа ГРУ, само собой. Так что йеменские товарищи справились неплохо. Ну и мы воспользовались ситуацией, чтобы

под шумок избавиться от некоторых мутноватых местных деятелей. Теперь Али Насер Мухаммед уже не попытается переметнуться к Западу, и не устроит в стране междоусобную бойню в 1986-м. И горбачёвские выдвиженцы аль-Бейд, аль-Атгас и Наоман не сдадут, как ГДР, в 1990-м Южный Йемен прозападному режиму Салеха в Сане. Абдель Фаттах Исмаил и прочие — вполне надёжные просоветские товарищи. Ситуация в стране под нашим контролем.

— А лезть на эти острова у берегов Омана было необходимо? — поинтересовался неугомонный Щербицкий. — До сих пор западные голоса обсуждают, какие именно русские выражения использовали «йеменцы», высадившиеся на островах. Неужели нельзя было предупредить, чтобы держали язык за зубами?

— Лезть было необходимо, — сказал как отрезал Ивапутин. — Фаттах Исмаил поставил возвращение островов под власть Южного Йемена как условие сдачи в аренду Сокотры. Его тоже можно понять. И приход к власти был не при самых красивых обстоятельствах — со времён независимости в стране было два президента, и обоих свергли силой, притом что строй не менялся. Просто проклятье какое-то. А тут ещё, не успев прийти к власти, он отдаёт кусок территории иностранцам. Пусть в аренду, но всё же. Зато теперь он — победитель, вернувший стране исконные территории. Аль-Шааби не смог, Рубайя Али не смог, а Фаттах Исмаил вернул! На этом фоне аренда Сокотры никому не интересна, тем более что для йеменцев этот остров — как для наших граждан остров Врангеля, хоть и находится ближе, там и говорят на своём языке. Что до русских выражений в эфире — тут уж иначе было нельзя. В операции задействовали морпехов, переброшенных транспортными самолётами, они в арабском не сильны. А без радиопереговоров современные десантные операции не проводятся. И местных привлекать было нельзя, их только потом перебросили на острова, когда наши оттуда уже ушли. К тому же у оманцев и англичан ничего, кроме слов нет, записи эфира никто не вёл. Что касается Северного Йемена, то президент аль-Хамди, с тех пор как мы его спасли и помогли отправить к шайтану заговорщиков Гашими, Салеха и прочих вместе с саудовскими агентами, относится к СССР намного лучше, чем раньше. К тому же ему нужна поддержка против Саудитов и некоторых зарвавшихся местных племён. И он прекрасно понимает, что наша база на островах Ханиш прикрывает его от тех же американцев. Так что на аренду он согласился без больших переживаний.

— Ну а Камбоджа нам зачем? — спросил Щербицкий. — Ведь решено же не вешать на шею всяких дармоедов.

— Во-первых, Владимир Васильевич, Камбоджа пока не на нашей шее, а в основном на вьетнамской, — отозвался Ивапутин. — Во-вторых, этот подонок Пол Пот своими преступлениями марает идею, чем вредит и нам. Вспомните записки Губернского — в его будущем всякая прозападная мразь тыкала режимом Пол Пота и его зверствами, как эталоном социализма и коммунизма. Так что убирать его надо было в любом случае, и чем быстрее, тем лучше. А тут так удачно подвернулось упоминание этого восстания, вот мы и сориентировали вьетнамских товарищей. В-третьих, Камбоджу вряд ли можно назвать дармоедами. Народ там умеет вкалывать не хуже вьетнамцев и китайцев, страна тёплая, воды много, урожаи можно выращивать огромные. Так что особо их кормить не придётся, разве что первое время, пока не восстановят хозяйство. К тому же и недра богатые, редкоземельные металлы и ещё много чего, если подойти с умом, можно и в прибыли остаться. В-четвёртых, новому правительству Камбоджи надо будет поднимать страну после маоистского эксперимента. Без посторонней помощи никак не обойтись. И в обмен на

помощь СССР сможет получить в аренду под военные базы острова Танг, Ронг и архипелаг Вай у входа в бухту Кампонгсаом. Тоже на 99 лет, понятно. У нас уже есть база во Вьетнаме, в Камрани, возможно, вскоре появятся и другие, но как будет в ЭТОМ будущем, — слово «этом» Ивашутин произнёс с нажимом, — никто не знает. С китайцами тоже были «братья навек». И думаю, все помнят, что до начала войны с американцами Вьетнам в основном ориентировался на Пекин? Одна опора в Юго-Восточной Азии хорошо, а две — лучше.

[Купить полную версию книги](#)